

БУЛАТ ХАНОВ

Роман от финалиста премии «Национальный бестселлер»
и лауреата премий «Русское слово» и «Звездный билет»

нецензурную
18+
содержит

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ПТИЦ С ПОДРЕЗАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Вперед и вверх. Современная проза

Булат Ханов

**Развлечения для птиц с
подрезанными крыльями**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ханов Б. А.

Развлечения для птиц с подрезанными крыльями / Б. А. Ханов —
«Эксмо», 2020 — (Вперед и вверх. Современная проза)

ISBN 978-5-04-113779-3

Что может объединять абсолютно противоположных людей, случайно встретившихся в большом городе? Каждый из них считает, что он свободен, но оказывается опутан сетями общества: Ира несвободна от давления условностей и предрассудков; Елисей из-за болезни не может заниматься тем, что ему нравится; Марк, свободный от забот о хлебе насущном, безуспешно убегает от прошлого; Сергей, которому кажется, что жизнь удалась и у него есть все, оказывается связан обязательствами и подчинен семейному диктату. Удастся ли им избавиться от зависимостей и обрести свободу воли? Все прояснится на фестивале пива. Это книга о бунтарях, которые слишком самоироничны, чтобы называть себя бунтарями. Они слушают не песни протеста, а голоса птиц в наушниках, пьют не портвейн, а крафтовое пиво, ищут не просветление, а тех, кому можно довериться. Они не проходят мимо несправедливости и обладают чувством достоинства. Что они противопоставят миру?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113779-3

© Ханов Б. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Ира	6
Елисей	9
Марк	14
Сергей	18
Ира	22
Елисей	26
Интерлюдия	35
Ира	36
Сергей	41
Елисей	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Булат Альфредович Ханов

Развлечения для птиц с подрезанными крыльями

«Глубже и радикальнее возвышенного – отказ-от-возвышения (dé-sublimation), так как событие не является – и не должно являться – той всепроницающей полнотой бури или звезд, в которой дает себя обозреть бесконечное. Событие – это, скорее, неприемлемая пустотная точка, где ничего не представляется, но откуда посредством абсурда истекает то, что в серии связанных вмешательств осуществляется Бесконечное».
Ален Бадью. Можно ли мыслить политику?

© Ханов Б., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ира

Никто не любит прощаться, но некоторые хотя бы умеют это делать.

Ира вот не умела.

Накануне отъезда она напоследок навестила бабушку и дедушку. В меру консервативные, в меру ворчливые, они напоминали милых старичков из русских комедийных сериалов – вроде тех, что крутят на экране в междугородних автобусах.

Пока бабушка стряпала, Ира сидела рядом с дедом в спальне и притворялась, что тоже увлечена политическим ток-шоу. Приглаженный ведущий из числа тех, чьи лица примелькались на экране до такой степени, что стали гарантией пустословия, твердил о воле и решимости. Носовой платок безупречно выступал из нагрудного кармана ведущего, и Ира поневоле задумалась, обладает ли болтун еще какими-либо чертами из джентльменского набора, помимо умения красиво одеваться. Может, он отключает мобильный на свиданиях. Или не просит в долг.

В конце передачи, когда камера взяла ведущего крупным планом, дедушка приподнялся на постели и произнес:

– Сейчас анекдот будет!

И правда, ведущий плутовато улыбнулся и сказал:

– Семья рыбачит. Сын спрашивает у отца: «Почему твой поплавок стоит, а у бабушки лежит?» Раздается голос бабушки за спиной: «Знаешь, Сёма, когда дедушкин поплавок стоял, что он только ни ловил!»

Ира поморщилась, а дед пояснил:

– Каждый раз анекдот рассказывает. Люблю этот момент.

К столу дедушка не вышел, и Ира обедала с бабушкой. Та сварила суп с щавелем и зеленым луком и пожарила картошку с грибами. Ире вновь досталось за убеждения.

– Отощашь ведь там. Приготовят на всех уху или макароны с фаршем, а ты что будешь делать?

– Бабуля, мы уже договорились, кого с кем поселят. Моя соседка тоже вегетарианка.

– И подавно оголодаешь. Я уж и не представляю, что вы там сытного вдвоем намудрите.

– Чечевичную похлебку сварим.

– И долго вы протянете на чечевичной похлебке?

– Не скажи, бабуля, это великое блюдо. Неслучайно Исав первородство за нее продал, а не за баранью ногу, например. Хоть и был охотником, а все равно соблазнился вегетарианскими вкусностями.

Не оценившая шутку бабушка покачала головой. Будучи религиозной, она тем не менее не навязывала внучке свою картину мира и не давала вовлечь себя в споры о Боге, тем более что все равно не могла противопоставить Ириным доводам ничего, кроме твердой веры в Священное Писание и в слова своего духовника.

Бабушка расспросила Иру о грядущей жизни в новом городе: о соседке, об общежитии, о магистерской программе, о президентской стипендии. Обе переживали, но по своим причинам: бабуля беспокоилась за бытовую сторону дела, а Ира – за то, не наскучит ли ей вызов. Она понимала, что говорит с бабулей на разных языках, и давно бросила затею свести эти непохожие языки к единому целому или хотя бы сблизить их.

Наверное, быть взрослой – это в том числе отказаться от стремлений наладить вещи, которые наладить нельзя.

По дороге домой Ира лелеяла робкую надежду, что с мамой удастся попрощаться правильно, раз уж с бабушкой и дедушкой не получилось.

Очередной облом. Мама смотрела телевизор и пила кофе с магазинными ватрушками. Она даже не встретила дочь в прихожей. Если подумать, мама никогда не питала страсти к этикетным нежностям, но в последний-то день можно хоть чуточку поумерить угрюмость, а?

– Привет, – поздоровалась Ира.

– Привет.

Мама не отвела взгляда от экрана.

Не успевшая переодеться, Ира опять прыгнула в монки, перекинула через плечо синий рюкзак и покинула дом. Уже за дверью она размазала по щекам слезы и зашмыгала носом.

Интересно, протянул бы тот лохотный ведущий свой платок незнакомой девушке, если у нее слезы текли вместе с тушью? Положим, что да. Еще и помощь бы предложил. Верный способ запомниться участливым и благородным ценой пустякового вложения.

В гипермаркете через дорогу Ира купила овсяный йогурт и два злаковых батончика. Ужин состоялся там же, на скамейке за линией касс. На жующую девушку косились покупатели, разгружавшие свои тележки, а Ира, вытирая красные глаза, отвечала им сконфуженной улыбкой. Знакомьтесь, мол, я кролик, бегущий прочь от норы. Хорошая девочка Ира.

Мама не звонила.

Когда умер папа, она замкнулась в себе. Не рыдала у дочери на плече, не бичевала себя, не ударялась в сектантство или коллекционирование – всего лишь запряталась в скорлупу. Ира изо всех сил пыталась понять маму и не могла.

Ира вспомнила, как папа покупал ей игрушечные наборы с советскими военными. Куклы, конечно, тоже покупал, но солдатики были интереснее. Иру привлекали советская символика и папины рассказы о несокрушимой Красной армии, которая остановила фашизм. В ее рядах героически сражались женщины, а подвигами Лилии Литвяк и Людмилы Павличенко восхищался весь Союз.

Сделав круг по кварталу, Ира вернулась к своей пятиэтажке. В гостиной горел свет, поэтому Ира покаталась на качелях, прорезая тишину двора их монотонным скрипом. Несмотря на то что в сиденье не хватало доски, сейчас это не тяготило. Все лучше, чем мельтешить перед человеком, который тебя разве что не презирает. Улыбаться, угождать или, напротив, стараться быть незаметной. Какая разница, натягиваешь ты улыбку или нет, если в чужих глазах ты обладаешь нулевой степенью пригодности.

Когда свет в гостиной погас и зажегся в спальне, Ира поднялась в квартиру. Светя телефонным фонариком, она в темноте сгребла вещи с раздвижного дивана и переложила в кресло, чтобы упаковать завтра перед отъездом.

Да уж, попрощались как надо.

Будильник, установленный на пять утра, выдернул Иру из постели. Она раскидала по чемоданам пожитки, утрамбовывая их чуть ли не ногой, чтобы уместились, и уже на лестничной площадке вызвала такси до автовокзала.

Прождав полтора часа до первого рейса в Элнет Энер, Ира погрузила чемоданы в багажный отсек разваливавшейся «Газели». Усатый водитель в протертых джинсах и пропахшем табаком свитере желтыми пальцами отсчитал сдачу:

– Держите, девушка!

Зажав купюры в кулак, Ира юркнула в хвост маршрутки.

Обязательно ведь нужно подчеркивать, у кого какой гендер, никак без этого.

Молодой сосед, верзила в баскетбольной форме и надетой задом наперед кепке, начал знакомство издалека.

– Прикинь, в первый раз на футболе побывал, – поделился он. – На настоящем матче. Все не как по телевизору. С трибуны кажется, что обычные люди бегают. Как мы, короче.

Не обращая внимания, Ира распутала наушники.

– В гости к нам едешь?

– По работе.

Верзила на секунду остановил взгляд на лице Иры, на области рта. Должно быть, сообщал, что с ней не так.

Это диастема, дружок. Щербинка между передними зубами, хоть и не портила облика Иры, оставляла двойное впечатление. Кто-то находил это милым, кто-то смущался и, вопреки воле, отводил взгляд во время разговора. Сама Ира называла свою внешность кроличьей и не терялась при бестактных вопросах.

Она воткнула наушники, и сосед сделал второй заход:

– Что слушаешь?

– Софию Ротару.

Ира нажала на «Play», увеличила громкость и прикрыла глаза.

Немолодой рассудительный женский голос, предваряя птичью трель, объявил:

– Большая выпь.

Елисей

Перед тем как выбежать из вагона на Василеостровской, Елисей вручил Лене конверт и велел вскрыть завтра.

Едва двери захлопнулись и метро унесло ее в тоннель, Елисей выключил телефон. Самой собой, она прочтет письмо в поездке, и содержание ее как минимум покоробит. А кого бы развеселило?

Режиссер сбежал со скандальной премьеры своей постановки! Сенсация!

Забываясь о торжестве формы, Елисей купил у букиниста антикварную открытку с разводными мостами и запечатал конверт сургучом. Как натура тонкая, она должна оценить.

Теперь и ты узнала, что эта встреча была последней.

Собственно, на то у меня две причины:

1) меня утомило, что у тебя каждый день Помпея;

2) мы не созданы друг для друга.

Передавай привет Леониду Якубовичу и Раулю Амундсену.

Почему Якубович и Амундсен? Пусть ломает голову над логической связью там, где ее нет.

У Елисея чесались руки добавить, что он прекращает общение по состоянию здоровья, но и так получилось забористо и неучтиво.

Два дня назад Лена позвонила утром и в шестьсот тридцать восьмой раз заныла о том, как ей трудно подняться с постели и заставить себя пойти в магазин. Собирая справки для лора и одеваясь, Елисей попутно выслушивал надрывный нарратив об агорафобии и искал способ быстрее завершить разговор.

– У меня все тело болит!

– Температуру измеряла?

– Она нормальная!

– Завари зеленый чай и включи музыку.

– Какой еще чай?

– Который я приносил, помнишь?

– Я не хочу, ты понимаешь?

– Лена, прости, я правда не знаю, что тебе сейчас нужно.

– Скажи что-нибудь хорошее. Что ты меня любишь.

– Я тебе и так каждый день это говорю.

Просовывая голову в воротник, Елисей уронил телефон.

– С тобой все в порядке? Дорогой, скажи мне что-нибудь хорошее.

– Я бы все-таки посоветовал заварить чай и включить какой-нибудь альбом из твоих любимых. А вечером поехать на лекцию по фотографии, анонс которой я скидывал. Твоя же тема.

– Я не могу!

– Можешь.

– Нет!

– Лена, ты требуешь чего-то жалостливого и проникновенного. Если отвечу на это требование, то получится, что я потакаю твоей беспомощности. Это неправильно. Поэтому я снова порекомендую заварить чай, послушать музыку и прогуляться на лекцию. Попробуй, это тебя не убьет. И да, я зануда.

– Значит, ты меня не поддержал. Ясно. Я учту.

Елисей нажал на сброс и швырнул в стену ложку для обуви.

Мало того что Лена пыталась развести его на вдохновляющий спич, так еще и не справилась, как у него дела. Ему грозят операцией на горле, а она лезет с комнатными слезами. Такое чувство, что, будь фобии заразными, Лена бы инфицировала каждого в Петербурге.

Пока Елисей ждал своей очереди у врачебного кабинета, пришло голосовое от Лены. Она излила на него гнев, уведомила, что с любовью покончено, и занесла в черный список.

Днем последовали бурные извинения Лены и предложение начать все заново.

– Давай перезагрузим наши отношения, – сказала она.

– Я за.

Тогда и созрел план с открыткой и всем остальным.

Сама подставилась. Порывая – порывай.

Сложно определить, когда именно Елисей бросил учиться – до болезни или во время нее. Скорее всего, ни то ни другое. Занятия приелись на первой же неделе, а магистратура до жути напоминала армию однообразием и непостижимостью конечной цели, ради которой вращались скрипучие шестеренки бюрократического механизма. И армия, и университет функционировали исключительно в поломанном состоянии, с анекдотичными перегибами и перехлестами. Бесспорно, в армии тяжело с девушками и с перемещениями в пространстве, но общий принцип ее организации похож на университетский – институция, существующая по собственным законам, далеким от разумных. Иначе говоря, тщательно регламентированный беспорядок.

Короче, нет смысла писать магистерскую с военником на руках. Если только по любви. Но любовью к геоурбанистике в ее академическом формате Елисей так и не воспылал.

Поначалу он по инерции готовился к зачетам, брал книги в библиотеке, встречался с научруком. А на излете беспринципной петербургской зимы Елисея сбила с ног простуда, цепкая и затяжная. Он менял лоров и терапевтов, горстями закидывал в глотку антисептики и противокашлевые, пил антибиотики курс за курсом. Медицинские термины мешались в голове, как слова из иностранного языка.

Заболев, Елисей рассчитывал вылечить фарингит до весны. Затем до апреля. Затем до мая. Незаметно «дедлайн» сдвинулся к лету. В конце концов, Елисей, признав бессилие, прекратил выставлять сроки организму, который его предал.

Елисеем овладела не поддающаяся оправданию умеренность: он избегал острой пищи, сторонился ветреных набережных и носил шарф до июня. Вдобавок к нему прилипла привычка откладывать важные решения. Елисей позволял Лене держаться за него и спустя полгода после того, как ее скучные истории и бесконечные вздохи перестали занимать его внимание. Кроме того, непонятным для себя образом он закрыл летнюю сессию, хотя формальная привязка к университету тяготила даже сильнее, чем отношения с Леной.

Момент истины настал тогда, когда Елисей обнаружил, что без запинки выговаривает слово «оториноларинголог» десять раз подряд. Через день после этого поворотного события Лена объявила о разрыве и забанила Елисея, а последующее помилование и примирение уже ничего не значило. Оттягивать дальше было преступно.

В тот же вечер Елисей купил антикварную открытку и написал Грише, с которым они учились в Институте наук о Земле и три года делили комнату в общежитии. Гриша неоднократно звал друга к себе в Элнет Энер и завлекал прелестями провинциальной жизни.

Значит, так.

План простой.

**Расстаешься с болотно-чахоточным краем и первым же рейсом
летишь в чудесную землю, где тебя ждут заботливые друзья,
первоклассные врачи и чистый воздух)**

У нас как раз комната свободна)

Судя по описанию, ты в Израиле живешь, не меньше.

**У нас круче) Ни терактов, ни палестинцев конфликтных под
боком)**

Та свободная комната – она большая?

Тихая?

Теплая?

Я тебе так скажу.

**Комната до того просторная, что ты в ней и с Леной своей бы
поместился)**

**Она настолько тихая и теплая, что там можно медитировать
нагишом)**

А еще есть балкон с приятным сюрпризом)

Не говори только, что вы там коноплю выращиваете.

**Нет, ничего такого) Приезжай, и сам увидишь) Помнишь, как
Егорка Летов пел? Я принял решение)**

Вот и ты прими)

Насчет Лены Гриша, разумеется, шутил. Не так давно он с гордостью сообщал, что они с Владом превратили свою квартиру в ЗБС (Зону бесконтрольного сексизма), поэтому Елисей имел больше шансов поселиться там с алабаем или крокодилом, чем с Леной.

И хорошо.

Наутро после эпизода с конвертом Елисей за бесценок сдал букинисту все книги и написал заявление об отчислении из университета. Хотелось сделать напоследок что-нибудь безумное, что-нибудь такое, что бы отпечаталось в городском фольклоре: искупаться в Обводном канале или вызвать на дуэль мороженщика. Тем не менее от этой затеи Елисей отказался, так как сообразил, что любое безумство в его исполнении предстанет всего-навсего мещанским возмущением против мещанского же порядка, жалкой попыткой скрыть от себя свою приземленность.

Забирая из общаги походный рюкзак с вещами, Елисей на секунду замер перед холодильником. Сосед хранил там бутылочку пшеничного нефильтрованного. Такого непритязательного и такого желанного. Неужели такой бургер, как Елисей, не заслуживает перед долгой дорогой стаканчика доброго вайзена?

Ан нет, нельзя.

Все же уйти просто так Елисей не мог. В коридоре общежития он расклеил объявления:

Потерялся ручной уж. Тот, кто вернет кусачую радость хозяину, получит вознаграждение 500 рублей. Просьба звонить вечером.

И приписал внизу вымышленный номер.

Насчет первого же рейса Гриша тоже пошутил. Самолеты и поезда были Елисею не по карману. Он вышел на М-11 ловить попутку и включил телефон, чтобы посмотреть прогноз погоды.

Спустя мгновение на экране отразился входящий от Лены.

– Ты где?

– Уехал.

– Куда?

– Я и сам не решил.

– Надеюсь, у тебя хватит ума, чтобы извиниться передо мной?

– Боюсь, что не хватит.

Вопреки ожиданиям, она не плакала и не кричала. Ее голос даже не вздрагивал.

– Тогда молись, чтобы ты больше мне не встретился. Иначе долго буду возить тебя мордой по асфальту.

– Звучит устрашающе.

– Я предупредила.

Елисей хотел ответить: «А как же твоя агорафобия?», но растерялся и сбросил звонок.

Как все перевернулось. Буквально вчера он высокохудожественно обставил расставание, а теперь, так получается, на всех парах улепetyвает от разъяренной бывшей.

Вспомнилась пафосная фраза: «Не огорчайся, потому что прошло. Радуйся, потому что было». По мнению Елисея, романтично настроенный автор ошибся. Правильный вариант звучал так: «Радуйся, потому что прошло. Огорчайся, потому что было».

Прощай, Лена. Прощайте, сокровенные шутки, понятные лишь для двоих. Прощайте, вздорные обвинения. Прощайте, отношения, бурные, но однообразные, многообещающие, но опустошительные.

До Подмоскoвья Елисей доехал к раннему утру на дальнoбойной фуре с гигантской надписью «Bluewater» на весь бок. Потрепанный бытовыми злoключениями водитель без устали сваливал свои неудачи на женщин: на бывшую жену, на сестру друга, на придорожных путан, на «злых баб» вообще. Елисей, который поначалу поддерживал диалог исключительно в режиме внимательного слушателя, тоже подключился к прокурорскому тону шофера и привел в пример историю себя и Лены, умолчав о пикантных подробностях вроде ее загулов и собственного розыгрыша с конвертом.

– Сам посуди, – сказал водитель. – Недаром в слове «мужик» слышится что-то мощное, крепкое, солидное, а в слове «баба» – что-то истеричное и гадкое. Русский язык все про нас знает.

– Феминистки возразили бы тем, что язык тоже мужчины придумали.

Утром дальнoбойщик высадил путника в задернутом тучами Солнечногорске. С помощью автобусов и метро Елисей пересек Москву и выбрался на трассу до Элнет Энера.

Как назло, с машинами везти перестало. Елисей подолгу выстаивал под крапающим дождем, вытянув руку с загнутым кверху большим пальцем. Грузовики автостопщика будто не замечали, а легковушки, как правило, подбрасывали до ближайшего поселка или городка. Такие короткие перемещения выматывали почище часовых перелетов: ради несчастных десяти километров Елисей знакомился с водителем, нащупывал почву для разговора, делился веселыми историями – в общем, убедительно играл роль благодарного пассажира. В итоге Нижний Новгород остался за спиной лишь глубокой ночью. Мысли сбивались в кучу. Чудилось, что за час сна Елисей убил бы кого угодно.

– Да у тебя глаза как у китайского пчеловода. Тебе бы в мотель, – сказал последний шофер.

Он попрощался с Елисеем на автобусной остановке рядом с садовым товариществом с трудновыговариваемым названием. Елисей, подложив под голову рюкзак, отрубился прямо на остановке.

Пробудился он от того, что заложило нос. Все-таки ночевки на свежем воздухе мало вяжутся с хроническим фарингитом. Звездное небо над головой, отнюдь не завораживающее, свидетельствовало, что сон был краток. Нацепив рюкзак и отряхивая голову от усталости, Елисей в пустынном одиночестве побрел по направлению к Элнет Энеру. Ерундовые четыре сотни километров – и его ждут мягкая постель и балкон с сюрпризом.

Слева расстиралось сжатое поле со скирдами сена. Лунный свет эффектно ложился на них, очерчивая красивые контуры, так что Елисей, даже будучи изможденным, оценил пейзаж на пятерку с минусом, добавив минус только за иллюзию пасторальной идиллии, некстати встроившую в картинку.

Когда позади раздалось рычание мотора, Елисей автоматически вытянул в сторону руку – наудачу, без особой надежды.

Новехонькая, словно из автосалона, «Тойота Камри» поравнялась с автостопщиком. Дверца отворилась, и Елисей просунул в проем немытую голову.

– Я в Элнет Энер еду, – произнес из мрака водитель.

– Ого, свезло так свезло! Мне ведь тоже туда.

– Садись. К девяти доберемся.

По первым секундам стало ясно, что доверительной беседы не предвидится. Молчаливый брюнет без тени заспанности на лице выглядел так, будто катил на корпоративное совещание в соседнем квартале. Его идеально выбритое лицо напомнило Елисею армейское прошлое, когда он каждое утро отскребал станком проклюнувшуюся щетину из страха перед вафельным полотенцем. Ухоженный, с легким запахом парфюма, в деловом костюме, капитально серьезный водитель «Камри» не походил на того, с кем обсуждают девушек или футбол.

Елисей задремал. В сознание его вернул загремевший российский гимн.

– Слушаю. – Водитель невозмутимо прижал телефон к уху. – Так точно. Спасибо, что предупредили.

Он затормозил и велел Елисею не отстегивать ремень, а сам открыл багажник. Пока Елисей гадал, в чем дело и не замешивают ли его в темную историю, загадочный брюнет провел какие-то манипуляции на крыше авто и снова занял свое кресло.

– Планы изменились, – сообщил он. – Приедем пораньше. Держись крепче.

Прежде, чем Елисей осмыслил, что все это значит, «Тойота» рванула как бешеная. Стрелка спидометра сначала подскочила до ста восьмидесяти, а затем постепенно, но неуклонно поползла до двухсот. Машина полетела, едва касаясь асфальта. По диким голубым отблескам в окне Елисей сообразил, что водитель установил мигалку. И сделал это не из любви к быстрой езде, а по долгу службы.

Заложило не только нос, но и уши. Голова, будто наспех припаянная, грозила оторваться и дергалась, точно цветок на стебле. По шейным позвонкам прокатывалась вибрация, как по стеклу от легкого землетрясения. Елисей вжался пальцами в сиденье и напрасно пытался унять дрожь. Не будь он голоден со вчерашнего дня, без сантиментов разукрасил бы салон бизнес-класса содержимым желудка. Все это казалось частью возмутительного аттракциона: августовская ночь, средняя полоса, пасторальные виды, телефонное предупреждение, неистовая гонка со временем на пределе человеческих и технических возможностей, inferнальный заезд без соперников, без комментариев и без саундтрека.

Запонки на белоснежных манжетах водителя посверкивали в темном салоне, как змеиные глаза. В облике незнакомца не чувствовалось напряжения. Иногда он рулил одной рукой, словно отдыхая. Происходящее его не трогало, весь его вид выражал аристократическую скуку.

В шесть утра оглушенный безумным вояжем Елисей сидел на центральной площади Элнет Энера и прикидывал, куда бы деть два часа до того, как пробудится Гриша. Интернет отказывался выдавать информацию о круглосуточных забегах в округе. Тогда Елисей вспомнил, что в родном Трехгорном уже не так рано, и набрал на телефоне номер.

– Алло, мама, привет. Не отвлекаю? Хотел сказать тебе, что уехал из Питера.

Марк

Он чуть не поперхнулся какао, когда прочел письмо.

Ему предлагали принять участие в конкурсе на вакансию в госкорпорации «Атомпром». Нужно зарегистрироваться на официальном сайте, набросать о себе хвалебные строки и выдвинуть идею для стартапа.

Вроде бы ничего особенного, рядовая вирусная рассылка.

Вот только этот мейл на левое имя Марк завел меньше месяца назад. И у него были свои счета с «Атомпромом».

Помимо всего прочего, вчера ему дважды звонили с разных номеров и дышали в телефон.

Разумеется, никто и никогда не говорил, что за ним не станут следить. Никто не обещал, что на него не нацепят цифровой ошейник. Это такой мягкий способ пригляда – без отметок в отделе полиции и налоговой, без вшитых в одежду датчиков, без ласковых звонков по вечерам, без приглашений на семейные торжества, наконец. Ни жесткого тебе контроля, ни липкой заботы. Трать карманные миллионы, лакай в самолетах шампанское, ныряй с аквалангом и, главное, не слишком выделяйся на бесцветном фоне.

Покончив с французским завтраком, Марк удалил и письмо от госкорпорации, и почтовый ящик для верности. Пусть они расценят это как паникерство, ему все равно.

Марк поднялся из гостиничного ресторана в номер и вытащил из саквояжа титановый нож для колки льда, припасенный для таких случаев. От первого удара смартфон отпрыгнул в сторону. Со второй попытки лопнуло защитное стекло и обнажился беззащитный дисплей. Марк бил сильно, уверенно, без замаха, и круглые следы с побелевшими вмятинами по контуру напоминали небесные объекты с исходящим от них холодным мерцанием.

Добив микросхемки и аккумулятор, Марк прекратил насилие над техникой. Поврежденную сим-карту он убрал в медный портсигар к двадцати шести таким же, а остатки от смартфона сложил в верхний ящик тумбочки, где хранилась гостиничная Библия на английском.

После горячей ванны Марк позвонил на ресепшен и заказал трансфер до аэропорта. Прощай, город-герой Ростов, нет причин скучать по тебе.

Кряжистый таксист с южным лицом цвета морковного сока, избыточно аккуратный в вождении, окружил пассажира зудящим молчанием. Лишившийся телефона Марк ерзал и чесал переносицу. На попытки завести разговор шофер откликался вежливыми, но общими фразами. Его будто не волновало ни повышение цен на бензин, ни тем более закрытие Парамоновских складов.

– Представьте, вам предложили бесплатную путевку в любую точку земного шара, – сказал Марк. – Куда угодно, хоть на Гавайи, хоть в Париж, хоть в Мурманск. И оплатили бы два билета: туда и обратно. Какое направление бы вы предпочли?

– В Ташкент бы полетел.

– Там красиво в сентябре?

Таксист поднял вверх большой палец.

– Во! Там сейчас дыни сладкие, как шербет. В России такие дыни только Президенту на стол подают. Хочешь купаться – едешь в горы на Чарвак. Хочешь старинную красоту смотреть – едешь в Самарканд. Люди из Парижа, из Берлина говорят: много где были – такого заглядения, как в Узбекистане, нигде не видели.

Скудость словарного запаса шофера с лихвой окупала простосердечная страсть. Марк загрустил. Его-то перемещения ограничивались известными пределами, и даже доступный любому студенту Узбекистан был под запретом.

Таксист не набрал сдачи с пятитысячной купюры.

– Оставьте себе, – велел Марк. – Купите чурчхелы.

Он сообразил, что совет прозвучал обидно.

– Или бензина. В общем, чего душа пожелает. А мне пора.

Минуя магнитную рамку и багажный осмотр, он корил себя за невежество. Барские жесты лишь ставили Марка в позицию милостивого владыки и вдобавок укрепляли в других холопскую психологию.

Тот, кто выживает господских щедрот, никогда не покинет рабства.

Два ближайших рейса – до Санкт-Петербурга и до Элнет Энера – одинаково подходили Марку. Он купил билеты эконом-класса в обоих направлениях и распечатал посадочные талоны через терминал.

– Простите, что отвлекаю, – обратился Марк к уборщице в синей униформе. – Можете мне помочь?

Он вытянул перед ней руки со сжатыми кулаками, как раскаявшийся преступник перед полисменом с наручниками.

– Право или лево?

Не снимая желтых перчаток, уборщица указала на левую.

– Значит, Элнет Энер! Спасибо, дорогая! Доброго вам вечера!

Марк с наслаждением разорвал ненужный посадочный талон и за две минуты до окончания регистрации сдал багаж.

Элнет Энер так Элнет Энер. Имеется и такой город на карте, и даже с собственным Кремлем. Столица Беледыша. У национальных республик есть своя специфика. Она пролегает между замолчанной претензией на автономию и отчетливыми намеками на культурную исключительность, между сведенными к холостому повторению обрядами и загнанными в складные учебники историческими драмами, между наивными чаяниями благостных стариков и тонкой политической игрой на вымышленных различиях и вместе с тем не равняется ничему из перечисленного. Так что на первых порах будет на чем заострить внимание. Да здравствует очередная глава монотонного романа! Да здравствуют экзотические блюда и новый вид из окна! Да здравствуют перемены, которые ничего не меняют!

На заключительном досмотре Марк стоял в очереди за беременной женщиной и вспомнил народную примету, согласно которой встреча с беременной сулила счастье.

– Не бойтесь, что рентгеновское излучение вам повредит? – поинтересовался он.

– Там допустимая доза, – ответила девушка.

– Возможно.

Спустя мгновение Марк обратился снова:

– А вы в курсе, что при прохождении через сканер вам наносят незримую биометрическую метку, аналог штрихкода. С ним вы автоматически попадаете во все электронные базы. Всего лишь секунда – и вы уже зачислены в цифровой концлагерь, вам присваивают порядковый номер, а мировые элиты держат вас на крючке.

Девушка неверно истолковала намерение Марка. Она усмехнулась.

– Знаете, ко мне еще не подкатывали на досмотре перед рейсом. Вынуждена признать ваше чувство юмора, хотя это и бестактно с вашей стороны.

В голосе незнакомки не чувствовалось ни напряжения, ни злобы. Марк отреагировал смущенной улыбкой и ляпнул что-то о работе на тайное правительство.

В самолете он сжевал холодный сэндвич с курицей и от корки до корки изучил брошюру от авиаоператора. Эконом привлекал Марка больше бизнес-класса оттого, что в первом никто не носился с ними, как с великовозрастными детьми. Здесь стюарды не прочитывали всякий взгляд как завуалированную просьбу и не искали повода угодить.

Марк давно прекратил мнить себя исключительным. Его метафизические запросы повторяли миллионы таких же запросов, импульсивные попытки заглушить одиночество структурно вписывались в обширную сеть таких же попыток со стороны других. Марк знал, что не стра-

дает психическими расстройствами. В его хаотичных метаниях от простоты к искусственности и обратно, в спонтанных перелетах из города в город, в разбитых телефонах и удаленных аккаунтах содержалось столько же безумия, сколько и в ухищрениях офисного труженика, торгующего из-под прилавка левыми сим-картами ради копеечной прибыли, или в оправданиях пьяницы, уверяющего, будто водка мешает расти раковым клеткам. Все это не более чем заскоки, странности, далекие от цветущего буйства и неподражаемого сумасшествия.

Перед тем как поймать такси в аэропорту Элнет Энера, Марк разменял наличные, чтобы не развращать водителя.

– Куда едем?

– Отвезите меня, пожалуйста, в гостиницу. Чтобы она была в центре, но без вида на Кремль. Без фонтанов в холле и без вульгарных картин в номерах. Солидную, но без чрезмерного шика. С высоким рейтингом, но не наивысшим. Не замешанную в скандалах. Не предназначенную для крупных делегаций. Понимаю, что звучит почти апофатично, поэтому уточню еще два условия: со шведским столом и с отменной химчисткой.

– Мне за вас, что ли, выбрать?

– Именно так.

Шофер изобразил на лице обременительное раздумье и заявил, что поездка будет стоить две тысячи. Что ж, пускай считает, будто развел богатенького клиента.

Высаживая Марка у отеля «Волга Премиум», таксист предупредил:

– Насчет химчистки вы лучше сами у них спросите.

Марк снял люксовый номер, убедившись, что он включает и ванну, и душ.

– Ничего себе у вас фамилия! – не удержалась администратор на ресепшине, вписывая данные.

– Мы дальние родственники, – сказал Марк и подмигнул.

Дизайн в кремово-шоколадных тонах свидетельствовал, что шофер, похоже, угадал. Марк запахнул портьеры и присмотрелся к помещению. Очевидно, целостная картина возникнет не сразу, пока же в голове складывалась лишь сумма обособленных элементов. Раздельный санузел, обилие дерева в декоре, ореховая мебель, встроенные в потолок светильники, квадратная спальня с гигантской кроватью, просторная гостиная, широченная плазма на стене. Почему-то дизайнеры и проектировщики отелей исходят из того, что зажиточные постояльцы без ума от больших размеров, и потакают этой воображаемой страсти. Порадовали капсульная кофемашина и ручной режим регулировки температуры. Марк повысил ее до двадцати четырех, чтобы передвигаться по номеру босиком.

Решено, он остается здесь на месяц.

Вот содержимое минибара если не портило всю обедню, то огорчало. Справившись у администратора, где ближайший алкостор из приличных, Марк прикупил там восемнадцатилетний «Гленморанжи».

После второго бокала он нашел очертания бутылки женственными, а после третьего путано и безбрежно философствовал сам с собой.

Все его действия последних лет – это поступки виноватого человека. Это поступки человека задолжавшего. Он всего-навсего изнеженный отпрыск, которому крупно повезло и еще крупнее не повезло. Он пробовал то, пробовал это, подступался, приценивался, перебирал, привязывался, порывал. Он подверг сомнению слишком много аксиом и не приблизился к твердому знанию. Его маршруты тяжело предсказать, но легко отследить.

Его смерть ничего не докажет. Так же, как и его мажорное существование. Так же, кстати, как и отчаянные попытки вырваться из него. Любой отчаянный жест кажется жалким, не так ли?

Отделенность и обделенность – есть ли граница между ними?

Марк выволок из саквояжа пакет с зеленой бамбуковой подушкой. Гардероб в новом городе он предпочитал менять целиком, а подушку повсюду возил с собой.

Глубокой ночью он подступился к открытому нужнику на улице. Нужник был затерян в снегах, его продувало насквозь. Приколоченная к кривому столбу, покачивалась на ветру фигура в черном балахоне, и синюшное лицо под капюшоном указывало, что это не чучело, а труп. Марк побрезговал касаться его. Мимо прошелестел низкорослый мужичонка с мертвым младенцем на руках и сбросил ребенка в фекальную яму. Раздался плеск. Извинившись перед Марком, мужичонка объяснил, что это их древний обычай. Если не прикончить первенца, то разразится чума.

Сергей

Покинув совещание, Хрипонин ослабил галстучный узел. Теперь можно. Шея затекла, расправленные плечи задеревенели, ноги сопрели в непрактичных лакированных туфлях.

Впрочем, это того стоило. Фестиваль крафтового пива официально утвердили и внесли в план. В отчетах Гордумы «Крафтиру» подадут как культурное мероприятие в рамках реализации республиканской молодежной политики. Госкомитет по туризму вложится в продвижение. Наймут музыкантов, напечатают буклеты. Все чин по чину.

Хорошо быть с мэром на короткой ноге, а еще лучше – состоять с ним в родственных отношениях. Именно так бы сказали завистники, но только Сергей знал, во что ему обходятся братские узы.

– Если ты меня, не дай бог, подведешь...

Михаил подступился со спины, и Сергей вздрогнул.

– Если я тебя подведу, ты будешь отвечать перед федеральными комиссиями, – сказал он, оборачиваясь.

– И не поспоришь. – Михаил усмехнулся. – Крутая речь, горжусь. Ты так страстно говорил про воспитание молодежи, про творческую активность, про позорные разливайки в спальных районах, что я на секунду подумал, будто ты сейчас потребуешь ввести сухой закон или, на худой конец, комендантский час.

– Ну да, а свой бар подарю духовной общине.

– Ага, самое то. Кстати, я велел Кириллу доставить тебя в бар после совещания. Он ждет внизу.

– Да незачем утруждаться, – возразил Сергей. – Такси вызову без проблем.

– Он внизу уже. Ему на пользу. Если тебя не повезет, то поедет таксовать, сам понимаешь.

Сергей ненавидел этот деликатный патронаж, но поблагодарил брата за беспокойство.

Михаил элегантно, одним махом и пристроил шофера к делу, и в очередной раз подчеркнул старшинство над Сергеем. Да еще и обставил все как скромное благодеяние, как само собой разумеющуюся заботу.

Кирилл на синем «Лексусе» дожидался на парковке Гордумы, пристегнувшись и положив руку на руль. Поза водителя порождала иллюзию, точно он готов тронуться с места по щелчку пальцев.

– Как ваши дела, Сергей Владимирович?

– Отлично.

– Вот и отлично, раз отлично. Тогда поехали.

Кирилл, круглощекий стареющий добряк с аккуратно зачесанными набок волосами, поражал Хрипониного умением затыкать паузы пустейшими фразами, при этом вкладывая в них теплоту, человечность, даже некое подобие смысла и ни разу не заискивая. Шофер идеально держал субординацию и словно бы не придавал значения тому факту, что работал на мэра республиканской столицы. Не исключено, что в узком кругу Кирилл бахвалился высоким, пусть и холопским, статусом, однако верилось в такое с трудом.

– Как в Госсовете? – поинтересовался водитель. – Жизнь кипит?

– Кипит.

По пути он без предупреждения завернул на заправку.

– Машина пить хочет, – сообщил он и захлопнул за собой дверцу.

Сергей с досады развязал галстук, скомкал его и засунул в брючный карман.

Едва ли не с любовным выражением на лице, роднящим шофера с рачительным фермером, Кирилл нежно отвинтил пробку бензобака и вставил туда заправочный пистолет.

Надо было настоять на своем и вызвать такси. Сэкономил бы и время, и нервы. А вместо этого Хрипонин жег себя изнутри смехотворным негодованием и безропотно позволял водителю изображать из себя невесть кого.

– Напоили железного коня, пора снова в дорогу, – безмятежно сказал Кирилл, возвращаясь в «Лексус». – А представьте, Сергей Владимирович, автомобили в будущем станут на пиве ездить. Типа экологичный аналог.

– Тебя опередили. В Новой Зеландии уже разработали биотопливо на пиве.

– Ого, как здорово! Значит, годиков через пятьдесят и до нас доберется.

В окне проплыл щит с социальной рекламой. Мэрия предупреждала: «Встречная – черная полоса твоей жизни».

Добравшись до бара, Хрипонин с порога затребовал фермерской утки и крепкого бельгийского эля. Бармен Аркадий, в меру компетентный, в меру почтительный блондин из бывших панков, наполнил бокал боссу и спросил:

– Так понимаю, крафтовый фест наверху одобрили?

– С чего это ты взял?

Пусть только Аркадий намекнет на родственные связи. Сергей его без промедления уволит.

– Если бы не одобрили, вы бы водку пошли хлестать.

– Логично. Да, утвердили, в ноябре «Крафтиру» проведем.

– Поздравляю, Сергей Владимирович. Вы заслужили.

– Все заслужили. Я заслужил, ты заслужил, город заслужил.

Хрипонин поднял бокал в знак победы и сделал торжественный глоток. В желудок словно бухнула ледяная ампула с лекарством.

Помимо бара, Сергей владел бирмаркетом и фермерской лавкой, однако только в «Рекурсию» наведывался регулярно. Если магазин проще доверить грамотному управляющему (а сокурсник Насонов зарекомендовал себя таковым), то с баром эта история не прокатит. Любое место, где наливают, обладает ни с чем не сравнимой аурой. Эту ауру не измерить ни средней ценой за выпивку, ни качеством бизнес-ланчей, ни уровнем культуры персонала, ни дизайном интерьера, ни чистотой уборной, ни впечатлениями посетителей, нализовавшихся до покаянных звонков призракам из прошлого. Эта аура – главное, что удерживает бар в городских алкогидах, в ресторанных рейтингах и в тяжелой ротации на волнах сарафанного радио. Как ни банально, у каждого бара есть душа. И хозяин обязан отслеживать мельчайшие вибрации этой души, трепетно оберегать ее и не травмировать бесконечными новшествами или, напротив, оскорбительным невниманием. Если владелец холодеет к детищу, бар умирает. Помещение пустеет, и туда въезжают другие господа со свежим проектом и своими взглядами на устройство души, вымученными и противоречивыми.

– Налей-ка мне имперского стаута, – приказал Хрипонин Аркадию. – И передай на кухню, пусть мне еще утки принесут.

Сергею казалось остроумным название «Эль Стакано», пока Михаил не признался, что при этих словах в его голове возникает образ красномордых мексиканцев в комичных шляпах на веревочке. Сергей ни секунды не цеплялся за бракованный вариант – лишь прекратил делиться соображениями с кем попало.

Маркетологи утверждали, что требуется одно-единственное слово – емкое, благозвучное, свободное от сорных ассоциаций. Настолько же тотальное, насколько и пустое. «Искра» отсылала к совковым символам, «клевер» – к Ирландии и к пабам, «ежевика» – то ли к клубничке, то ли к яблочной IT-тематике. От компонентов вроде «крафт», «пена», «пиво», «beer» Хрипонин отрекся из-за их истощенности. Нет верней способа прослыть эпигоном и распугать клиентуру, чем наречь бар «Пенным причалом» или «Пивным прибором».

«Рекурсия» угодила в поле зрения случайно. Посередине увлекательного спортивного ролика «Ютуб» выплюнул на экран рекламу курса для программистов. Злясь на то, что рекламу нельзя пропустить, Хрипонин прослушал ее до конца и обомлел.

То самое слово.

Выяснилось, что понятие используют и в программировании, и в физике, и в лингвистике, и в логике, а в матанализе есть даже термин «бар-рекурсия». Сергей набрел на золотую жилу и гордился собой.

Запив последний кусочек утки последним глотком имперского стаута, Хрипонин заказал такси.

– Совершенствуемся для каждого, – пробормотал он, ступая за порог. – Заботимся о каждом.

Жена в наушниках смотрела видеоуроки по плаванию и молча подняла вверх указательный палец, приветствуя Хрипониных и вместе с тем предупреждая, чтобы не отвлекал. Он с грустью вновь отметил про себя, что ее лицо похоже на цветы из ее салонов – такое же красивое, изящное, с гармоничными пропорциями и абсолютно безжизненное.

Впрочем, незачем винить Лизу. С ее бизнесом Сергей вообще превратился бы в законченного невропата.

– Ну как, папа, крафтанул? – поинтересовался Рома, заглянувший на кухню за кофе.

– Крафтанул, а затем повторил.

– Круто. А я тут «Декстера» смотрю, вот на минуту прервался.

– «Декстер» – это про супергероев или про вампиров?

– Про серийного убийцу, который судит негодяев.

– Славное, наверное, зрелище.

– В точку, пап!

Лиза приостановила видео и сняла наушники.

– Такое ощущение, будто вы сговорились.

– И в чем наш сговор? – спросил Сергей. – Привет, дорогая.

– Вы мешаете мне учиться кролю.

– Да тебя инструктор в бассейне научит. А по компьютеру ты фиг поймешь.

– Надо, чтобы в голове сложилась картинка. Чтобы порядок действий засел в подсознании.

– Значит, так. – Хрипонин притворился серьезным. – Шаг первый. Примите в воде строго горизонтальное положение.

– Очень смешно.

– Я активирую твое подсознание.

– Да ну вас.

Лиза захлопнула ноутбук и ушла с ним в гостиную, оставив в воздухе ускользающий шлейф парфюмерных ароматов. Рома выбрал капучино на приборной панели и стал ждать, пока кофемашина его сварит.

– Мама сказала, – произнес сын, – что наймет репетитора по обществознанию и истории.

– Так мы вроде в мае договорились, что так и сделаем. Жаль, что Игорь Кириллович отказался.

– Она говорит, что уже в сентябре занятия начнем. А я хотел в ноябре. Ну или в октябре, на крайняк.

– Мама права. Чем раньше вкатишься в учебный год, тем лучше.

– Да я уже забыл, в каком году Куликовская битва была. Мозги одеревенели за лето. Нужно постепенно вкатываться, а не так вот – сразу.

– Ну-ну, не прибедряйся. – Сергей засунул руку в карман и обнаружил там смятый галстук. – Тебе стейк пожарить?

– Нет, меня мама покормит.

– Хорошо. Тогда иди «Декстера» досматривать, пока там маньяков без тебя не переловили.

Да уж, минули времена, когда Хрипонин называл детей цыплетками.

Облачившись в домашнее, он вытащил из маринада два здоровенных куска свиной вырезки и закинул их в электрогриль. Когда стейки прожарились до мутно-розового цвета, Сергей посыпал их тимьяном, положил на решетку две лимонные дольки и снова опустил крышку.

Он ценил разговоры с сыном и не понимал тех родителей, которые воспитывают детей в стерильном информационном пространстве и кривят губы, если кто-то упоминает секс или насилие. Такие родители больше пекутся о собственной репутации, чем о будущем детей.

Нет верней средства отдалиться от ребенка, чем приучить его к ханжеству.

Бесспорно, разногласия с Ромой случались постоянно. Хрипонин отмечал про себя безалаберность сына, его зарождающуюся заносчивость и склонность к плоским суждениям. Рома, как и тысячи подростков его возраста, с видом мудреца утверждал, что любви не существует, а жизнь скучна. Будь сын хотя бы на пять лет старше, Сергей доказывал бы ему, что жизнь скучна для тех, кто сам тосклив и бездарен, а существование любви выгодно отрицать тем, кто не желает тратить усилия, чтобы построить семью. Сейчас же Хрипонин осознавал, что сын философствует от нехватки опыта.

Сергей гордился тем, что не отнимает у ребенка счастливых заблуждений раньше положенного.

Вот с дочерью у него не так ладилось. В шестом классе Стелла зажглась идеями радикального феминизма и начала молотить чушь про засилье цисгендерных мужчин, про токсичные отношения и подружественные коммуны. Лиза призывала Сергея не бить тревогу.

– Сам знаешь, – говорила она. – Вчера они увлечены куклами, сегодня корейской музыкой, а завтра еще чем-нибудь. Не отбирать же у нее интернет.

– Правильно, – соглашался Сергей.

В конце концов, дочь могла подцепить интерес и к чему похуже. К роликам Навального, например. Сегодня дети взрослеют быстро.

В августе они отправили Стеллу в элитный лагерь с изучением английского языка и ждали ее возвращения с надеждой, что за месяц дочь избавится от глупостей в голове или хотя бы заменит их на другие.

Ира

Бабушке за глаза досталась шутливая взбучка.

– У нее строгое мясное кредо, – пояснила Ира соседке по общежитию. – Она боится, что мы тут отождасем, как узники в Освенциме.

– Жуткая смерть двух магистранток потрясла Элнет Энер, – произнесла Даша тоном захо-
лустного репортера.

– Надо будет месяца через три на фотошопе сделать впалые щеки, обескровленное лицо и послать фотографию бабушке.

– Страшно представить ее реакцию.

– Она примчится спасать нас борщом и макаронами по-флотски.

Даша призадумалась.

– Иногда мне кажется, мои только порадуются, если меня увезут на «Скорой» из-за растительной диеты. Тогда заботливый диетолог с докторской степенью вылечит меня от капризов и научит любить всех земных тварей, что попадают ко мне в тарелку.

Ира с Дашей познакомились на вступительных экзаменах и сразу договорились, что поселятся вместе, если обе поступят. Ире импонировали люди такого типа: пластичные, улыбочивые, легкие на подъем, с открытым взглядом и без намека на subtilность. Даша занималась йогой, коллекционировала фенечки, заплетала дреды себе и другим и часто повторяла слово «добро». Вера в Джа была краеугольным камнем ее мировоззрения. Через пять минут после знакомства с Дашей можно было без опасений ставить квартиру на то, что она боготворит Олю Маркес и равняется на нее.

Так и оказалось: Дашин плейлист включал все альбомы «Alai Oli», а сама она постила цитаты вокалистки с завидным постоянством.

Соседка встретила Иру в черной футболке без рукавов и в карго болотного цвета. На загорелых плечах красовались коричневые веснушки, напоминавшие пятнышки на зрелом банане.

– Свидетельница Боба Марли! – воскликнула Ира.

Польщенная Даша запустила руку в один из многочисленных брючных карманов и протянула на ладони карамельку в прозрачной обертке.

– Клюквенная. По вегану, без сахара и без краски. Я тут чудесный экомгазин нашла поблизости. Обязательно тебя свожу.

В знак доверия Ира сразу закинула конфету в рот. И правда, заметно лучше барбарисок ядовито-рубинового цвета, царапающих нёбо и сводящих скулы от кислоты. Кажется, с коммуникацией в Элнет Энере трудностей не предвидится. Если, конечно, Дашу не отчислят из универа за примерное растафарианское раздолбайство.

Пока Ира раскладывала вещи, соседка поведала ей об утреннем казусе на общей кухне.

– Захожу я, значит, проверить проростки. Там Мишель, наш негр-историк, жарит бананы на сливочном масле. Я смотрела-смотрела и осторожно спросила: «Почему ты их жаришь?» А он такой раздраженный повернулся и говорит с глубокой обидой: «Я разве обезьяна, чтобы их сырыми есть?»

Смущенно улыбнувшись, Ира сказала:

– Наверное, его достали этим вопросом.

Комната превзошла ожидания Иры. Чистенькие бежевые обои, пусть и подрастерявшие в свежести, тешили взор. Высокий потолок и широкое расстояние между кроватями, застеленными покрывалами в бело-фисташковую клетку, даровали ощущение покоя. Вместительный шкаф, солидные по меркам провинциального вуза тумбочки, персональные книжные полки – все складывалось в славный паззл, собирать который было одно удовольствие. На стенах в рамках и под стеклом висели фотографии с главными достопримечательностями Элнет Энера.

Ничто нигде не отваливалось, не свешивалось, не скрипело, а завершал все это скромное величание обволакивающий яркий свет – не чета маминым тусклым энергосберегающим лампочкам.

* * *

На обед Даша накормила Иру веганским пловом с баклажанами и заварила имбирный чай. После обмена типичными шутками о скудном травоядном питании соседка уведомила, что пригласила гостей на вечеринку в честь новоселья.

– Сначала концентрация фриков покажется тебе запредельной, – предупредила Даша, – но вскоре ты почувствуешь, как комната заполняется теплом. Мы устроим островок гармонии и счастья на просторах скучной казармы. Мы дадим отпор занудным дежурным по этажу, бессердечным вахтерам и комендантше, для описания унылости которой не хватит никаких сильных эпитетов. Ты играешь на укулеле?

– Ни разу не пробовала.

– Я тебя научу.

Ира приняла душ и сделала укладку, нанеся на волосы глину и хорошенько взбив их. Вид в зеркале поколебал представления Иры о себе, поэтому она аккуратно расправила некоторые пряди. Теперь годится. Хаосмос во всей красе. Ну, может, не во всей, но красе.

Ее наряд на вечеринку составили черные джинсы и черная блуза-туника.

– Шикарно, – заверила Даша.

– Я ощущаю себя дебютанткой на сцене.

– Это не классический театр, так что нам не грозит публика из старперов, которые хвалятся своей умудренностью. Не волнуйся.

– Как думаешь, мне стоит что-нибудь купить и приготовить для гостей?

– Абсолютно ничего. Мы хозяйки, а они путники, которые бредут к нам на пламя свечи и приносят корзинки с дарами.

Сказав так, Даша пошла жарить картошку и мастерить салаты, фруктовый и фасолевый. На все предложения помочь она отвечала вежливым, но твердым отказом.

К шести начали стекаться те самые путники. Степень их фриковости Даша преувеличивала. Никто из гостей, на первый взгляд, не дотягивал до звания загадочного или хотя бы странного. Филолог Рита, очаровательнейшее существо с синими дредами и вздернутым, как у принцессы, носиком, притащила с собой бананы и грузинский виноградный лимонад. Басист Митя в затасканной черной куртке из кожмита, выделявшийся лающим смехом и почти что зомбическим выражением бровей, не взял с собой ничего и патетично извинялся, демонстрируя пустые руки с нестриженными ногтями. Маша и Костя, трогательная пара с безупречными манерами, водрузили на стол сухое красное вино, адыгейский сыр, гуакамолу, три пачки кукурузных чипсов и пластиковые стаканы. Наконец, небритый Денис, который в силу возрастной помятости не мог никоим образом принадлежать к студенческому миру, извлек из кармана ветровки бутылку киргизского бренди. Как пояснил Денис Ире, хоть в его облике и нет ровным счетом ничего татаро-монгольского, его степной отец пас лошадей и пил кумыс.

Ира дивилась, когда только Даша, приехавшая в Элнет Энэр на день раньше нее, пересталась знакомиться с этими людьми.

Рита рассказывала о летнем путешествии в Грузию и беспощадном кавказском гостеприимстве. Все с увлечением слушали, лишь Митя скептически перебивал повествование.

– Да быть такого не бывает! – провозглашал он. – Они там все потомственные русофобы.

– Мне такие не попадались.

– Тебе повезло, там повальная русофобия, – не унимался Митя.

– Нет там русофобии!

Ира стала ждать, когда скандальный музыкант объявит, что красота – это страшная сила и тайное оружие, благодаря которому русских девушек привлекают даже на враждебных землях.

Не исключено, что Митя опустил бы и до таких приемов, если бы не вмешалась Даша.

– Так, – сказала она, – не будем отравлять дружную компанию националистическими миазмами.

Она достала укулеле и исполнила «Любочку». Ира, помнившая текст, изумилась, что эту не самую раскрученную песню из доцифровой эры знают все за столом. Раздухарившийся Митя подпевал темпераментнее остальных.

– Всем добра! – воскликнула Даша с последним аккордом.

– Всем добра!

– Йоу!

После второго бокала вина разговоры за столом разделились. Митя снова увел Риту и Дашу в грузино-русские политические дебри. Влюбленные шептались в своем уголке. Денис, почесывая заросшие щеки, примеривался к Ире и, судя по всему, целил ей в сердце. Меткостью он явно не славился.

– Даша сказала, что ты очень умная.

Ира пожала плечами.

– Ты ведь этнограф?

– Да.

– Этнография – полезное направление, – сказал Денис. – Оно напоминает нам, что каждый народ, даже самый маленький, значим для человечества. Нет более привилегированных и менее привилегированных. Отец мой повторял, что солнце для всех светит одинаково.

Иру подмывало сострить, что как раз таки солнце для разных этносов светит по-разному, эскимосы не дадут соврать.

– Наверное, он прав, – продолжал Денис. – Пусть мы и не сблизимся, я многому у него научился. Не уверен, что я правильно понимал отца и определял его место в моей жизни. Я не виноват, и все же мне есть, о чем жалеть.

Ира молчала.

– Спустя годы на нас наваливается тоска по временам, когда мы испытывали счастье, но не сознавали его. Мы напрасно хватаемся за то, что ускользнуло от нас.

В кармане Иры просигналил телефон. Никогда еще ее так не радовали уведомления. Она коротко извинилась и выскочила в коридор, подальше от рефлексивного типчика и его половинчатых откровений.

Извещение из «Вайбера». Час от часу не легче. Установившая этот мессенджер разве что от избытка свободной памяти на телефоне, Ира не пользовалась приложением и не советовала его друзьям.

Тут ты меня не забанила)

Ире словно снежок закинули за шиворот.

Как ты, крошка?

Скучаю по тебе.

Сильно-пресильно.

Зачем это писать? Зачем это писать так?

Ты уехала, как напоказ. Мне не нужно очевидных знаков, чтобы прозреть. Да, ты не любишь меня, у тебя своя жизнь, свои планы. Вот только незачем, подруга, сбегать от меня. Это обидно, знаешь ли.

Я тебя не преследую, это ты от себя бежишь.

Дрожащими пальцами Ира снесла «Вайбер» вместе с треклятой перепиской. Коридорные стены угрожающе надвинулись, и Ира поспешила обратно в комнату.

– Сестра, что с тобой? – воскликнула Даша.

– Ничего.

– У тебя такой вид, как будто на твоих глазах человека расстреляли.

– Как будто раздавленную кошку в постель подложили, – добавил Митя.

Даша без предисловий съездила ему локтем по ребрам и наставила на Иру вопросительный взор.

– Кое с каким делом надо разобраться. Позвонить родным, уточнить. Связано с документами. Ничего серьезного.

Ира схватила портфель и двинулась к выходу.

– Ты ведь не домой сорвалась на ночь глядя?

– Нет, что ты. Я скоро вернусь.

– От нас точно никакой помощи не требуется?

– Никакой.

– Может, деньги?

– Нет. Спасибо.

Даша кивнула.

– Тогда расправляйся со своим делом и поскорей возвращайся на наш островок гармонии и счастья!

Уже в коридоре Иру догнала клейкая субстанция по имени Денис.

– Я тебя не обидел?

– Меня никто не обидел.

– Мало ли. Вдруг ляпнул не то.

– Все в порядке.

– Могу я сейчас помочь тебе чем-нибудь?

– Спасибо, я сама.

Несвежая черная футболка с рисунком рыбьего скелета наплывала на Иру. Едва сдерживаясь от того, чтобы не оттолкнуть Дениса, она пятилась в сторону лестницы. Увеличив расстояние до тактичного, девушка повернулась и помчалась.

Ему, наверное, тридцать пять, если не сорок, а он ловит шансы с иногородними студентками.

Что за наказание! Это не ее место, не ее. Она должна учиться в Польше, в Нидерландах, в Норвегии, в Австралии и в Новой Зеландии, собирать легенды в поморской глубинке и спасать саамов от исчезновения.

Перед глазами мелькали убывающие цифры. Четыре, три, два. Зловещий красный на побелке. Как будто маляр, обезумевший от своей безвыходной скрупулезности, методично наносил номера этажей артериальной кровью через трафарет.

Во дворе общаги разгуливал полицейский патруль – крупные темные силуэты. Дубинки покачивались за их поясами.

Вы, ребята, последние, кому можно довериться.

Как абсурдно. Почти никто не любит полицию, однако почти все считают, что без нее нельзя.

Елисей

Гриша понял все по измаянному лицу друга. Елисей выглядел, как крестьянский сын, сбежавший из родного села и проводший бессонные ухабистые ночи в рыбном обозе.

Гриша расстелил постель, и Елисей, скинув джинсы и носки на ближайший стул, юркнул под одеяло в дорожной толстовке.

– В следующий раз сниму. И футболку тоже. Простынь постираю. Не буди.

Объятия Морфея настигли изнуренного путника удушающим захватом.

Пролежав без малого семь часов без единого движения, Елисей пробудился и рывком сел на кровати. Гриша, работавший рядом за ноутбуком, швырнул ему на колени махровое полотенце с символикой «Манчестер Юнайтед».

– Думал, ты захочешь принять душ, когда проснешься.

– Спасибо, хоть шампунь не кинул.

К выходу Елисея из ванной Гриша пожарил яичницу с помидорами и сварил в турке кофе. Елисей набросился на еду с таким аппетитом, что треск за ушами утратил свою метафоричность.

– Моей стряпне еще никогда такие комплименты не делали, – сказал Гриша. – Сдается мне, либо ты напрямую из блокадного Ленинграда сбежал, либо тебя Лена твоя голодом уморила. Как она, кстати, отнеслась к твоему переезду?

Не прекращая молотить челюстями, Елисей поднял вверх большой палец.

– То есть с надлежащим уважением?

– В точку.

– А как сама дорога?

Елисей отжевался, вытер рот салфеткой и пересказал автостопный трип, особенно напирая на ночевку под звездами и на бешеный заезд в «Тойоте Камри».

– Фееричная история, – заключил Гриша. – Вдруг этот психованный таким образом служит народу?

– Это как?

– Начнем с того, что он не работяга, который задержался на даче допоздна и вез домой репу, редиску и морковь.

– Маловероятно, – согласился Елисей.

– Машинка у него солидная, как и костюм.

– Я и говорю, что он фээсбэшник или депутат местный.

– Мелко берешь. Это серый кардинал тиранического режима. Влиятельный тип, чьи руки до плеч испачканы кровью узников совести. Важный гусь с абонементом в политическое закулисье. И внутри этого мерзавца спрятан надломленный человек, страдающий от своих злодеяний. Чтобы хоть как-то их компенсировать, твой таинственный водитель спонсирует детские фонды, анонимно дарит инвалидам коляски и протезы, а по ночам подвозит автостопщиков до Элнет Энера. На высоком посту он не способен служить народу напрямую, вот и ищет обходные пути.

Полет фантазии оборвал Влад, сосед Гриши, ввалившийся в кухню и прозаично потянувшийся в холодильник за кефиром. Костлявый и бледный, со взъерошенными волосами и заправленной в песочные бриджи зеленой футболкой, Влад производил впечатление чокнутого программиста, объявившего бойкот законной действительности.

– Это наш Одиссей прибыл, – представил Гриша питерского друга.

Влад присмотрелся к новому квартиранту и сказал:

– Для обеда сейчас слишком поздно, а для ужина – рано. Полдники у нас не заведены, так что Гриша, наверное, тебя ценит, раз готовит тебе в неурочное время. Я людей не очень люблю, но пусть тебя это не напрягает. Велкам, как говорится.

Влад отпил из бутылки кефира, сунул ее обратно в холодильник и потопал к себе в комнату.

В переписке Гриша намекал на суровый характер соседа. Судя по скупому, но фактурному описанию, Влада сложно было причислить к компанейским парням. Он промышлял криптовалютой, почти не покидал дома, не общался с девушками и не смотрел сериалы, а на его стене висел постер с Михаэлем Шумахером.

Спустя минуту Влад вернулся и пожаловался Елисею на голубых.

– Не проходит и дня, чтобы я не увидел в новостной ленте запись про гомосексов. То на них охотятся, то их защищают. Засилье гейства в информационном поле.

– Раздражает, – согласился Елисей.

– Почему меня впутывают в чужие интимные отношения? Почему меня вынуждают занять позицию по вопросу, который меня не интересует, а?

Бормоча ругательства, Влад снова достал кефир и унес его с собой.

Елисей не насытился яичницей, и Гриша сделал ему и себе сэндвичи с сыром и беконом. За едой бывшие однокурсники перемыли косточки университетским преподавателям, обсудили капризную петербургскую погоду и вспомнили затяжные, как переправа через Стикс, поездки по эскалаторам в метро. Гриша, расчувствовавшись, извлек из навесного шкафа две старые стопки и початую текилу.

– Помянем?

Елисей указал на горло и произнес:

– Отекает каждое утро. Реагирует на горячее и холодное, на острое и вяжущее. Бунтует против алкоголя в любых проявлениях. Даже безалкогольное пиво его, видите ли, не устраивает.

– Сочувствую, дружище.

– Надеюсь, причина в северном климате, точнее, в его болотно-озерной вариации.

– Уверен, что так. Ничего, в наших краях скоро поправишься. Стаканами будешь спирт глушить.

– Я и от сериалов стал воздерживаться, – сказал Елисей. – Там в кадре постоянно мелькает алкоголь. Герои смачно осушают бокалы с виски по поводу и без, в одиночестве и в компании, затыкая паузы и поддерживая диалог. Если бы при просмотре «Ада на колесах» я накатывал по стопке бурбона каждый раз, когда мне в глаза изычно и будто невзначай тычут выпивкой, то к шестой серии я бы заговорил с персонажами, а к десятой – помчался бы в магазин за револьвером и ковбойской шляпой.

Гриша понимающе убрал текилу в шкаф.

– Кстати, о выпивке, – продолжил Елисей. – Где у вас самый крутой крафтовый бар?

– Сожжешь его, чтобы не соблазнял?

– Ни в коем случае. Я бы сходил туда.

Гриша озадаченно почесал затылок.

– Блог сам себя не напишет, – объяснил Елисей. – А пить я там не собираюсь.

– Подписчики не поймут, – согласился Гриша.

* * *

Елисея мучило чувство вины. Он нагло заснул в грязной толстовке, сбил Грише и Владу режим питания, вторгся в их устоявшийся быт. Пускай они проведут вечер без хвораго постояльца и рассудят, как с ним поступить. Если оставят без пяти минут иждивенца у себя, то

славно. Если выпнут, тоже не беда. Можно податься в Саратов. Либо вернуться в Петербург. Либо махнуть на все и осесть в Трехгорном. Это не лучший исход, но и не катастрофа.

Елисей шагал по широким тротуарам и скользил взглядом по вывескам. «Неврологический центр лечения боли», «Вейпер из виртуальной галактики», «Санта Барбер», творческая студия для детей «Рандеву Кидс», квест-пространство «Ризома», магазин инструментов «Синьор Гвоздодер», продуктовый «Анчар».

Елисей поостерегся бы обедать снедью оттуда.

Город ухмылялся и интриговал.

Бар «Рекурсия» располагался в самом конце центральной улицы Нарайна, названной, согласно «Википедии», в честь местного большевика-революционера. Обилие света и воодушевленных лиц за стеклянным фасадом притягивало, а в воздухе витал легкий хмельной запах куража, раскрепощенности и скрепленного выпивкой студенческого братства и сестринства.

Елисей набрал в грудь воздуха, настраиваясь стоять насмерть в битве с искушением, и толкнул дверь.

Сорок крапов с самыми разными сортами – от пацифистского цветочного сидра до ячменного вина с воинственным нравом, от консервативного лагеря для олдфагов до экспериментального имперского стаута с замахом на революцию в истории пивоварения, от бельгийских ламбиков до челябинских портеров, от норвежцев до голландцев, от американцев до эстонцев – способны были удовлетворить самого взыскательного пивного брюзгу, привыкшего приносить плюсы и раздувать минусы. Прямоугольные столы для компаний от двух до десяти человек тянулись вдоль иссиня-черной стены с ликбезом по пивной теории. Рядом с холодильниками, забитыми сверху донизу бутылочным крафтом, разместился большой стол в форме полукруга, а над ним нависала помпезная трехъярусная люстра с пустыми бутылками, перевернутыми вверх дном. Их пестрые этикетки хотелось коллекционировать и коллекционировать.

В баре восседали вчерашние подростки с оголенными щиколотками и симпатичные бунтарки с синими и зелеными волосами, принарядившиеся для выхода в свет давние подруги и робкие парочки на втором или третьем свидании, псевдонордические самцы с ухоженными бородами и выбритые до синевы канцелярские служаки. Наметанный глаз Елисея вмиг различал прожженных бир-гиков и настороженных неофитов. Экраны беззвучно транслировали футбол, а из колонок лился приятный фолк.

Елисей попал в свою стихию.

Он заметил двух одиноких посетителей. Первый, молодежавый субъект в малость помятом синем костюме, усердно поглощал креветки. Вторая, отрешенная девушка с каре, облаченная в свободную блузку и джинсы, задумчиво вертела перед собой картонную подставку для пива то по часовой стрелке, то против нее. Девушка словно сбежала с посредственного концерта и теперь размышляла, правильно поступила или нет. Бокал ее был пуст, если не считать крохотных клочков пены на дне.

– Здравствуйте, – обратился Елисей. – Вы решите, что я к вам клеюсь, однако это не так.

Она медленно подняла на него взгляд. Далекий от ласкового.

– Штука в том, что я делаю обзоры пива, а из-за фарингита мне пить запрещено. Бытие устроило мне засаду.

– Не вам жаловаться на бытие, – сказала девушка. – Вы, например, сегодня третий, кто ко мне подкатывает. Первый интересовался моими музыкальными пристрастиями. Второй вспоминал отца, который пас лошадей. Вы же давите на жалость.

– Вы неверно поняли, – возразил Елисей. – Я пивной блогер и собираю материал для обзора. Вот.

Он показал незнакомке свой профиль в «Инстаграме». Лицо ее посветлело.

– Ого!

– Что «ого»?

– Вы тот самый обзорщик, который пишет об ураганах, лавинах и прочей стихийной жути?

– Смотрю, вы в теме.

– Читала ваши публикации на «Крафт депо». Значит, про фарингит это правда?

– Сушая правда.

Девушка прикрыла лицо рукой.

– Простите, я вам нагрубила.

– Ерунда, обычное недоразумение. Так вот. Я отчаянно нуждаюсь в помощи. Давайте я возьму вам пиво, вы его протестируете, а я приду домой и по горячим следам набросаю заметку. Идет?

– И вы не увяжете за мной до дома?

– Даже не умоляйте.

Она кивнула.

– Есть уточнение. Позвольте мне побыть эмансипированной женщиной и самой купить себе пиво.

– Это лишнее. Я никогда не покупаю пиво. Меня им угощают.

Елисей достал из кармана пластиковую карточку.

– Пожизненный абонемент на бесплатное пиво от Крафтовой ассоциации России.

– Ого!

– Какой сорт вам принести?

– Любой, только не сладкий. И без молока.

– Непереносимость лактозы?

– Вроде того.

Пряча ликование, Елисей подошел к барной стойке и помахал абонементом перед барменом с пышными усами, подровненными ножницами по последней моде. Бармен, узнав блогера, настоял на совместном селфи, а затем принялся вдохновенно перечислять новинки. Крафтовый рынок определенно переживал взлет. У Елисея все скрутило внутри от недоступного ему изобилия, пока он выбирал.

– Извините за задержку, – сказал он, возвращаясь за столик с пивом для девушки и апельсиновым соком для себя. – К вашим услугам сухой стаут «Испытание пеплом». В основе ячменный солод, копченный на торфе.

– Звучит как название ядерной боеголовки.

– Угу. Кстати, я вспомнил киношный штамп. По логике сценаристов, я мимоходом, как бы ненароком, должен спросить: «Извините, я забыл ваше имя».

– А я должна ответить: «Я его не называла». И заподозрить вас в тайных намерениях.

– Именно!

Елисей на мгновение откинул голову и опустил веки. Ему нравилась его собеседница. Его завораживали ее сдержанный голос, непокорные волосы соломенного цвета и милая щербинка между передними зубами.

– У меня эксцентричное имя, – сказала она.

– Жизель?

– Близко.

– Жанна.

– Побойтесь бога.

– Жозефина?

– И я всю жизнь обречена искать Наполеона с имперскими амбициями.

Елисей хмыкнул.

– Я запутался.

– В общем, это шутка. Я Ира. Оригинально, правда?

- Головоломно. – Елисей поскреб в затылке.
- А как зовут вас?
- Как и героя из «Сказки о мертвой царевне» Пушкина.
- Там, где семь богатырей?
- Да.

Ира вздохнула.

– Теперь вы сочтете меня глупой, ведь на ум мне приходит лишь царь Салтан из другой сказки.

– Не сочту. Тогда вторая подсказка. Париж.

– Винсент?

– Ни разу.

– Хм. Эрнест?

– По-вашему, я похож на Эрнеста?

– Гюстав Эйфель? Оноре де Бальзак? Людовик какой-то там? Это нечестно!

– Хорошо-хорошо. Открываюсь. С Парижем связаны Елисейские Поля, а королевич Елисей – это жених мертвой царевны.

– Скажите еще, что «Елисея» проще отгадать, чем «Иру».

– На изи! Ладно, раз уж мы познакомились, может, перейдем на ты?

– Договорились. Хоть это и неловко – на ты с королевичем.

Елисей взял со стола зубочистку, освободил от пленки и разломил пополам. Вот бы махнуть рукой на телесные сбои, на врачебные наказания и заказать пива для себя. Пробовать сорт за сортом и длить праздник до тех пор, пока он не станет невыносимым. Этот вечер слишком прекрасен, чтобы не выпить.

Пришлось незаметно ущипнуть себя за ногу.

– Мои вкусовые рецепторы передают тебе благодарность, – сказала Ира. – Кофейная линия в основе на редкость плодотворно сочетается с торфяными обертонами. Описать свои ощущения?

– Ни в коем случае.

– Тоже так подумала. Я излагаю сбивчиво, да и ты в своих обзорах, похоже, не слишком опираешься на детали.

– Верно. А вот сравнение с ядерной боеголовкой мне пригодится. Не против, если позаимствую?

Ира пожала плечами.

– Твое пиво – твой обзор – твои образы.

– Отличный слоган! Сравнение же запало, потому что я родился в уральском городе, где производят ядерное оружие.

– Как любопытно!

– Как-нибудь расскажу об этом.

Произнеся это, Елисей смешался. Сейчас Ира припишет ему тайные намерения, долгосрочные планы и сухо попрощается. Решит, что ее расположение покупают за бокал стаута. Чтобы не обременять девушку излишним интересом, Елисей тактично увел взгляд.

За соседним столом крупный тип с эспаньолкой и ранней сединой в волосах деловито заливал что-то в уши молодой спутницы. Облаченная в облегающее фиолетовое платье до колен, она любезно, с подчеркнутым достоинством внимала рассказу, не кивая и не поддакивая.

– ...такие китайские товары «Али экспресс» отправляются в Россию транзитом через Казахстан, – утверждал мужик. – Сейчас это самый развитый торговый узел в Средней Азии. Мировые корпорации инвестируют в Казахстан миллиарды долларов, там прокладывают автодороги, строят нефтепроводы и больницы. За двадцать лет прожиточный минимум в стране

вырос, вдумайся, в семь раз. Если бы меня на камеру спросили, где грамотнее распоряжаются природными ресурсами и где выше уровень жизни, в России или в Казахстане, я бы без сомнений выбрал второе.

Распевая дифирамбы дружественному цветущему государству, тип периодически проводил пальцами по эспаньолке, будто удостоверяясь, что контуры ее не изменились. Под белой рубашкой с крапинками, расстегнутой на две пуговицы, виднелась бритая грудь, красная и упругая, как дубленая кожа.

Елисея передернуло от мысли, что сейчас он выглядит похожим на этого самодовольного охотника, красующегося перед добычей.

– Я даже не предполагала, что один из главных пивных блогеров живет в Элнет Энере, – сказала Ира.

– Честно говоря, это и для меня неожиданность. Я бросил Питер и пришвартовался здесь этим утром.

– Ого.

Ира сделала большой глоток и задержала его во рту. В ее карих глазах с оливковым оттенком установилось изумление, точно ей сообщили, что ее любимое кафе внезапно закрылось.

– Представь, что у тебя малоизвестный мобильный оператор, – произнесла она. – Совсем нераскрученный. Ни рекламы на «Первом канале», ни фирменных салонов связи на автобусных остановках, ни шариков с символикой компании. И вдруг ты встречаешь человека, который пользуется тем же оператором, что и ты. У меня аналогичные чувства. Я ведь тоже приехала сюда сегодня.

Ответить Елисею помешала хлопнувшая за спиной дверь. Он повернул голову, и брови сами собой приподнялись.

Лохматый субъект на пороге казался диким.

Не варваром, не безумцем, а именно диким.

Юношеские черты в облике нового посетителя уживались со старческими, а его возраст навскидку не определил бы и специалист по социальному страхованию. Кончики выпуклых ушей торчали из-под вздорных рыжих косм, а выскобленные дряблые щеки добавляли виду потрепанности. Армейский низ контрастировал с отшельническим верхом: начищенные берцы слоновьего размера и камуфляжные штаны безо всякой логики дополняла затрапезная шерстяная водолазка, облепленная репейными колючками. Вошедший двумя руками опирался на алюминиевую трость.

Все смолкли. Исчезла даже музыка.

– Моя порочная паства! – загремел раскатистый голос. – Вы снова отринули учение Божье!

Раздались аплодисменты.

– Руби плеча, святой отец! – выкрикнул кто-то.

– Слава проповеднику!

Новоявленный гость потопал вдоль столов и барной стойки в дальний конец, волоча за собой трость. Она погромыхивала на стыках кафельных плит, как железнодорожный состав во время торможения.

Почти добредя до кухни, вихрастый субъект развернулся.

– Известно ли вам, что есть незрелость? Откуда она берется? Пребывает ли она в душах от рождения или проклевывается в них потом ростками белены и дурмана? Считается ли незрелым безвинное дитя или его безгреховная сущность ограждена его от той незрелости, что губит нас?

Притихшая публика ждала продолжения.

– Вчера у фонтана меня потрясла юная дева. Она курила электронную сигарету и плакала так, что ее слезы, подобно воскресному дождю, зашуршали в моем сердце. «Что с тобой, дочь

моя?» – спросил я, подавая платок. «Моя жизнь кончена! – воскликнула юная дева. – Кругом ложь и вероломство!» – «Но почему ты так решила?» – снова спросил я. И тут она утерла слезы и промолвила: «Потому что нож в спину вонзают те, кого защищаешь грудью».

«Проповедник» ударил кулаком по барной стойке, точно она перед ним провинилась.

– Она изведала боль, – изрек он. – Она открыла, что подлунный мир заключает в себе не только радость, но и горе, не только великодушие, но и коварство, не только свет, но и мрак. Подлость сбила ее с ног, и сомнение трупными червями прокралось в ее нежную душу. Горизонт заволочло графитовыми тучами, и пыль взвилась столбом.

Между тем бармен наполнил стакан лагером и учтиво подвинул его вещателю. Дикая незнакомка отхлебнул трети и вытер губы рукавом.

– Кто из нас осмелится судить юную деву? Кто из нас проводит смехом ее согбенную фигурку, устремленную в неизвестность? Кому из нас неведомо отчаяние, заполонившее ее? Разве не сталкивались мы с бесчестьем, которое сокрушает волю, и с обманом, который толкает в пропасть уныния? Разве не настигало нас озарение, что властвуют в земной юдоли негодяйство и беззаконие, лицедейство и алчность, равнодушие и цинизм, хейтерство и хайп? Словно кишечная хворь, набрасывались на нас немощь, и страх, и великий трепет. Не умея совладать с этими напастьями, мы мирились с ними. Да, говорили мы, здесь нет ничего, кроме торжествующего скудоумия и циркулирующего разврата. Да, говорили мы, Бога не существует, а если Он и был когда-то, то давно нас оставил. И считали себя умудренными, прозревшими, проникшими в чернильную сердцевину мироздания.

«Святой отец» запрокинул голову и опустошил стакан с пивом.

– И в этом наша роковая ошибка и слабость. Мы принимали за зрелость всеведущую ухмылку, прилипшую к устам, и презрение к боли ближнего своего. Мы кичились горьким опытом, как кичатся породистыми псами или горными алмазами. Мы кляли тех, кто гонится за деньгами, за статусом, за славой, кто поклоняется вещам и накручивает лайки в «Ютубе», и брезговали теми, кто живет иначе. Боже все милостивый, вопрошаю я, и это называют зрелостью?

Субъект сделал паузу и продолжил, теперь уже тихо и вкрадчиво:

– Подлинная зрелость иная. Она состоит в ясности ума и твердости сердца. Человек, верный Господу, говорит ясно и твердо держится своих слов, приспешник же дьявола изъясняется путано и в разговорах виляет. Незрел не младенец, кричащий в люльке, а человек, познавший сладость греха, как познают друг друга жених и невеста на свадебном ложе, и дозволивший себе грешить. Младенец не примет дьявола в объятия, ведь что младенцу до токсических щедрот, обещанных дьяволом! Что младенцу до лести и вирулентных ласк! Дьявол вербует лишь тех, кто уже вкусил от разочарования и подверг сомнению истину, красоту и благо. Незрелость – вот имя той слабости, что разоружает нас пред дьяволом. Незрелость – вот тот порок, что рушит нашу связь с Господом. Да превозможем мы в себе этот порок, да не убоимся зла, да не уподобимся гнусным шакалам! Укрепляйте в душе добродетель и будьте примерной паствой! Аминь!

– Аминь! – заголосили из-за столов.

«Святой отец» пригрозил тростью невидимым врагам и под овации бар покинул.

Тип с эспаньолкой кивнул куда-то в пустоту.

– Приз зрительских симпатий сегодня за ним, – пробормотал Елисей.

– Я бы даже сказала, приз зрительских эмпатий, – прибавила Ира.

Она смущенно отпила из бокала. Елисей, меньше всего желавший остаток вечера обсуждать посторонние вещи вроде вечерней проповеди, сказал:

– Я заволновался, когда ты объявила себя эмансипированной женщиной.

– Почему?

– Испугался, что припомнишь мне все грехи патриархата.

– Слишком много разговоров о грехе в столь тесном пространстве, – усмехнулась Ира. – Не бойся меня, я не злая фемка. То есть злая, но не настолько, чтобы мечтать о мире без мужчин и расценивать каждый мужской жест как харассмент.

– Тогда вздохну с облегчением. Я не настолько наивен, чтобы верить, будто можно жить без предубеждений, но твоя категоричная враждебность меня бы обескуражила.

Елисей отметил, что бессознательно воспроизвел ту же речевую конструкцию, которую использовала Ира. Не настолько, но.

– Как и любое социальное движение, феминизм неоднороден, – сказала она. – Раздоры между его течениями и внутри них иногда даже яростнее, чем споры с мужчинами.

– Подозреваю, что вы ссоритесь посильнее, чем фрейдисты с юнгианцами.

– Наверное, да. По статистике, половина банов в феминистских пабликах выписываются женщинам. Движение расколото. Если либеральные и интерсекциональные феминистки в целом дружат между собой, то радикальные презирают первые два течения и называют их представительниц подстилками патриархата.

– А в чем коренное различие между ними?

Ира сделала последний глоток пива и вытерла губы, аккуратно, как на званом ужине, приложив к ним салфетку.

– Либеральные феминистки борются за равенство прав с мужчинами и выступают за равные зарплаты, за равные карьерные возможности, за отсутствие гендерных привилегий. Либеральные феминистки винят не отдельных мужчин, а консервативные патриархальные ценности. Интерсекциональные феминистки идут дальше и воюют с притеснением как таковым. Если либеральный феминизм по преимуществу ставит в центр белую западную женщину, то интерсекциональный настроен на устранение самых разных дискриминаций: по гендеру, по цвету кожи, по сексуальной ориентации, по возрасту, по телосложению. Иначе говоря, интерсекциональные феминистки расширяют пространство борьбы и шире толкуют справедливость.

– А радфем?

– Радфем беспощаден ко всем, кто не разделяет его ценности на сто процентов. Для радикальных феминисток женщины и мужчины – это два полушария, два замкнутых сообщества: первое – угнетенные и жертвы, второе – угнетатели, абьюзеры, насильники. Третьего не дано. Они убеждены, что нет мужчин вне патриархата. Тогда как либеральные и интерсекциональные феминистки хотят реформировать систему, радикальные мечтают ее опрокинуть. Отсюда и введение в речь феминитивов, и отрицание концепта романтической любви, и даже неприязнь к трансгендерам.

– Я, конечно, трансами не восхищаюсь, но их-то за что? – удивился Елисей.

– По мнению радфем-активисток, есть за что. Если женщина меняет пол на мужской, то ее причисляют к предательницам. Мужчину, который совершает обратное, тоже не признают за своего. Радикальные феминистки утверждают, что женщина не с рождения – это ненастоящая женщина, так как бывшему мужчине неведомы ощущения бесправного и угнетенного недосуществования, которым якобы чувствует себя женщина.

Елисей хмыкнул, чтобы резко не выразиться.

– Некоторые радикальные феминистки ненавидят маникюр, юбки, бюстгалтеры и любые собственные неудачи объясняют через гендер, – сказала Ира.

– Если мой вопрос покажется нескромным, ты вправе разбить о мою голову бокал, – произнес Елисей. – К какому направлению себя относишь ты?

Ира, прищурившись, приподняла бокал над столом, взвесила в руке и опустила обратно.

– К анархо-феминизму. Я тоже за кардинальную перестройку общества, но по экономическому принципу, а не по радфемовской модели. Меня раздражают развязные мужланы и книги с идиотскими названиями вроде «Женщина как социокультурный продукт», и вместе

с тем я понимаю, что дремучие патриархальные нравы и неравенство зарплат – это далеко не все ущербные стороны современной цивилизации.

Пока Елисей осмыслил услышанное, Ира поблагодарила за пиво и сообщила, что ей пора.

– Мне надо морально подготовиться ко сну, – пояснила она. – Тяжело засыпаю на новом месте. Настоящая головная боль.

– Лучшее средство от головной боли – напряженная интеллектуальная работа, – заверил Елисей. – Например, игра в крестики-нолики с воображаемым врагом. Подсчет овец также годится.

Ему не хотелось отпускать Иру. Он восхищался девушками, которые, будучи красивыми и умными, не выставляют напоказ свои преимущества и не напрашиваются на симпатию.

– Когда заметка о стауте будет готова, я могу отметить тебя в публикации, – предложил он. – Ты ведь подписана на мой блог в «Инстаграме»?

– Я оттуда удалилась. Лучше прочитаю заметку на «Крафт депо».

– Упомянуть тебя в ней?

– Не стоит.

Внутри Елисея как будто застрял лифт, с грохотом и скрежетом.

– Тогда с моей стороны будет преступным не соблюсти правила этикета и не предложить тебе еще одну дегустацию. Само собой, никаких сидров, сладких элей и молока в составе.

– Почему бы и нет?

Она произнесла это непринужденно, без вежливой сухости и без церемонной улыбки. Лифт снова поехал.

– Тогда так же, через неделю, в пятницу?

– Я за. В восемнадцать. Или в девятнадцать. Если тебе удобно.

– В восемнадцать! – воскликнул он и с трудом удержался от неуместного «спасибо».

Они договорились, что Ира добавит его в друзья «ВКонтакте», и попрощались у бара.

Елисей твердо решил не оборачиваться. Оглянешься – пропадешь. Оглядка – растерянность, сбой, навязчивый морок. У него забор забот и еще тысяча причин не оглядываться.

Когда Елисей все-таки обернулся, Ира уже исчезла за углом.

Интерлюдия «Испытание пеплом»

Над проектом трудились лучшие умы крафтового цеха, Платоны и Аристотели от философии пива. Запершись в секретном бункере под ничем не примечательной железнодорожной станцией, они сутками напролет ставили опыты над водой и над огнем, над сахаром и над солодом, варили и коптили, ломали копья в кровавых диспутах и жгли торф, любовно собранный отважными мелиораторами на галлюциногенных болотах. Когда драгоценный напиток был готов, первый бокал поднесли дежурному по станции. Вглядевшись в таинственное варево цвета дегтярной эмульсии, дежурный храбро отхлебнул.

Волна жженого оцепенения окатила его с ног до головы, точно поток фотонов обрушился на сетчатку. В эпицентре все испарилось. Стекла лопнули так же бесшумно и стремительно, как и рассыпались стены. Площадь с ратушей и памятником старому вождю песочным вихрем взмыла в воздух. Солнце вымахнуло из-за горизонта и, осветив все, растворилось в янтарном небе. Следом на месте солнца проступило зловещее клубообразное Нечто. Оно походило на гигантский обугленный гриб и на сумрачное дерево с полыхающей кроной, на абажур, подсвеченный лампой накаливания, и на обезумевшего джинна, высвобожденного из бутылки. Казалось, субстанция, преодолев все диалектические противоречия, вырвалась из замкнутой цепи самопорождений и перед уничтожением себя обрела, наконец, завершенную форму, одновременно сверхъестественную и зримую, губительную и притягательную. Словно в насмешку над мирозданием, над зловещим Нечто вырос пламенный нимб, санкционирующий это разрушение из разрушений, безумие из безумий.

Дежурный по станции, по-прежнему обездвиженный, с героическим мужеством вкушал остатки безумия. Нераспавшиеся изотопы и радиоактивный пепел. Ионизирующее излучение и сейсмические колебания. Зараженные облака, плывущие в соседние земли, и электромагнитный импульс, несущийся по линиям электропередачи. Выведенные из строя компьютеры и стертые данные. Экоцид и гуманитарную катастрофу. Уставшая от беспрестанного обновления субстанция не покончила с собой, хотя и продвинулась в своих попытках еще дальше.

Ира

Аудитория пивного блога Елисея в «Инстаграме» составляла без малого семь тысяч подписчиков – целая крафтовая мини-Вселенная. Профиль «ВКонтакте» такой популярностью похвастать не мог, и список из семидесяти двух друзей на контрасте производил тоскливое впечатление. Как будто Елисей вел две публичные жизни, эпизодически пересекающиеся между собой.

Итак, Елисей Васнецов, 24 года. На аватаре престарелый Клинт Иствуд с чашкой чая. Вроде кадр из какого-то знаменитого фильма. Никакой информации о себе, кроме даты рождения. Никаких записей и репостов. В куцем перечне подписок паблики по географии, психоанализу и Петербургу. Десяток личных фотографий, две из которых совместные с subtilной блондинкой. На первой она в шутку отнимает у Елисея толстенную книгу по эстетике, а на второй они иронично позируют в зимней одежде. У Елисея лицо ниже носа замотано шарфом, а его спутница в красном драповом пальто и черном берете изображает надменную скуку. Кадр смазанный, кривой, будто они заскочили на секунду в кабинку для фотоснимков.

Единственный комментарий оставила Елена Миняева: «И что бы ты делал, не будь рядом такой фотогеничной меня?»

Царапал не столько кокетливый тон, сколько владельческий посыл. Без меня ты беспомощен, мой строптивый звереныш, неужели тебе не ясно?

Ира болезненно воспринимала собственнические поползновения со стороны кого бы то ни было и ужасалась, когда обнаруживала их у себя.

Судя по странице Елены Миняевой, с Елисеем они порвали. Снимки с ним в ее профиле отсутствовали, зато стена в свежих депрессивных заметках свидетельствовала, что кровь буквально сочится из душевных ран петербургской студентки. Она вещала о километрах недосказанной любви и добром чудном завтра, которое искупит испытые чаши страдания.

Читая эти записи, Ира испытала смущение, будто наблюдала за ужимками актера, которому недостает мастерства. Несмотря на примерную грамотность и начитанность, Лена раз за разом пускалась в подростковые умствования, где концентрация избитых абстрактных фраз взлетала до критически высокой отметки и подменяла глубину и внятность посыла. Одни понятия произвольным образом рифмовались с другими. Любовь сплеталась то со счастьем, то с вечностью, то с наказанием, а одиночество приравнивалось то к свободе, то к ржавой клетке бессилия, то еще бог весть к чему.

Впрочем, что бы ни встало между Елисеем и Леной, Иры это не касалось. Его намерения вряд ли простирались дальше дружеских встреч по выходным, а если и простирались, то он не походил на тех, кому сложно отказать. Ира тяжело ладила со всеми, и установившийся сам собой диалог с остроумным блогером, живой и ничуть не обременительный, ее удивил. Будет прекрасно, если Ира заведет себе локацию и компанию, куда можно сбегать от Даши, когда та затевает вечеринку. Главное – не позволять никому занимать место солнца на горизонте, потому что на роль небесного светила уже назначена этнография.

В последнее время Ира боялась, что тепличное счастье соблазнит ее и вычеркнет из большой, настоящей жизни. Уж лучше уйти в революционное подполье, чем налаживать с кем-то мещанский быт, возведенный на взаимных уступках, обидах и меркнувшей симпатии.

* * *

На следующий день после заселения в общагу Ира на репетиторском сайте перевела анкету из родной Самары в Элнет Энер. Дома она преподавала школьникам историю и обще-

ствознание и рассчитывала в новом городе зарабатывать так же. Не у мамы же просить. Накопленные за три года положительные отзывы и высокий рейтинг анкеты позволяли надеяться, что заказы не заставят себя ждать.

Так и случилось. Ире предложили заявку. Клиент: Елизавета Евгеньевна. Ученик: Роман, 9-й класс. Цель: подготовка к ОГЭ. Средняя оценка: 4–. Ставка: 1000 рублей / 90 минут.

Елизавета Евгеньевна по телефону сообщила, что они желали бы заниматься дважды в неделю, в будни и выходные. Рома – мальчик ленивый, но способный. Иногда конфликтный, но воспитанный. Позитивный и коммуникабельный. В будущем он пойдет по юридической линии, поэтому обществознание и историю надо подтягивать уже сейчас. Со старыми педагогами ему скучно, и родители принципиально ищут молодого, который умеет увлечь и донести знания в доступной форме.

– Познакомьтесь, подружитесь, – сказала Елизавета Евгеньевна. – У вас, молодых, и подход актуальный, и методика эффективная. Сами понимаете, учителя советской закалки не тянут современные требования, да и подружиться с ними проблематично.

Ира вообразила себе обеспеченного отпрыска, почему-то рыжеволосого и конопатого, в меру развращенного и избалованного. Ей, в общем-то, все равно, с кем заниматься: с мальчиками, с девочками, с шестым классом, с одиннадцатым, с богатыми клиентами или не очень. Как показывала практика, степень порядочности не зависела от достатка в семье. Никогда не угадаешь, где нарвешься на грубость – в билетной кассе пригородного вокзала или на званом ужине у ректора.

Порой Ира стеснялась своей работы, оттого что в чужих глазах репетиторство представляло чем-то легковесным, непостоянным, лишенным того ореола мужественности и будничного героизма, который окутывал фигуру школьного учителя, чей голос охрип от многолетнего искоренения невежества и чьи подушечки пальцев иссохли от скрипучего мела. Если учителя воспринимали как агента просвещения, то репетитор, подобно домашним кондитерам и установщикам пиратских программ для «Windows», приравнивался к безликим зашибателям деньги. Из-за этого Ира называла себя не репетитором, а преподавателем.

Ученик Рома жил в элитном микрорайоне у реки. Исполинский дом выходил окнами на роскошную набережную, а затемненные стеклянные панели неизвестного назначения, облепившие песчаного цвета фасад, напоминали солнечные батареи. Начиная с калитки, Ира не уставала изумляться, до чего здесь все избыточно: огороженный высоким забором двор, отделанный плиткой изумрудного цвета фонтан, консьержка в синей, как у проводников, униформе, четыре лифта на подъезд, кулер с артезианской водой на первом этаже, пышные цветы в горшках. Ира оценила бы великолепие, организуй его жители своими силами, однако, будучи навязанным управляющей компанией в довесок к коммунальным услугам, весь этот шик казался чуждым, как будто приклеенный к подарочной открытке ценник.

На пороге Иру вместо Елизаветы Евгеньевны встретил ее муж Сергей. На лице его блуждала труднообъяснимая улыбка. По развитой мускулатуре, по стрижке с выбритыми боками, по приталенной белой рубашке и модным джинсам, подпоясанным брендовым ремнем, чувствовалось, что он борется с годами, хотя выпуклый живот и приметные морщины наглядно демонстрировали, кто побеждает в битве. Сведенные плечи, согнутые словно под бременем богатства, делали Сергея похожим на сутулого мясистого бульдога. Ире почудилось, что она этого типа где-то видела. Или кого-то наподобие него, тоже с эспаньолкой.

- Учиться? – поинтересовался Сергей.
- В магистратуре.
- Сами отсюда?
- Из Самары.
- Как вам наш город?
- Пока осваиваюсь.

Ира мимоходом отмечала для себя убранство прихожей. Паркетная доска, ковровые дорожки, семейные фотографии в рамках. Декоративную ветку оседлало чучело тетерева – бородатого черного красавца со сложенными крыльями и с распушенным хвостом. Тетерев словно замер со вздернутыми красными бровями. Ира поежилась.

– Как будто сейчас вспорхнет и улетит, – рассмеялся Сергей и обратился к чучелу: – Нет, птичка, ты от нас никуда не улетишь.

Ира безмолвно ждала, пока ее проводят к ученику.

– Жаль, конечно, что вы не из Элнет Энера, – сказал Сергей. – В магистратуре ведь два курса обучения?

– Все верно, два.

– Мы планировали три года заниматься, до окончания одиннадцатого класса. Так-то у нас на примете был преподаватель – профессор гражданского права из Беледышского университета, мой хороший знакомый. Не срослось, и жена настояла на молодом репетиторе.

– Если мы поладим, то никаких сложностей с продолжением занятий не возникнет, – произнесла Ира. – Не факт, что я через два года вернусь в Самару. Кроме того, есть вариант со «Скайпом». Тоже удобная форма обучения, сейчас педагоги ее активно практикуют.

– По сути, да, – согласился Сергей. – Главное – найти контакт, понравиться друг другу.

Ира не возразила, хотя перспектива понравиться избалованному сыну мажора, увлеченного таксидермией, ее не прельщала.

По пути к Роме в дверном проеме мелькнул бильярдный стол.

Когда Ира и Сергей вошли в одну из многочисленных комнат, отпрыск, восседавший на крутящемся офисном кресле за белым письменным столом, нехотя обернулся и поздоровался. Ира заняла уготованный ей табурет. Жесткий и вдобавок низковатый, ну да ладно.

– Зовите, если что-то понадобится, – велел Сергей, затворяя за собой дверь.

Обычно при знакомстве ученики встречали Иру у порога. Рома, худощавый подросток с безразличной миной, не стремился произвести впечатление любителя истории и обществознания. Для урока он заготовил тоненькую тетрадку и черную ручку, а на здоровенном игровом мониторе застыл на паузе неизвестный Ире фильм. Стол загромождали учебники, тетрадные обложки, беспроводные наушники, восьмой айфон.

– Компьютер лучше выключить, чтобы не отвлекал.

Рома свернул проигрыватель и перевел систему в спящий режим.

Чтобы оценить знания нового ученика, Ира традиционно задавала ему ряд произвольных вопросов из всего школьного курса. Каковы причины Великой Отечественной войны? Какая партия захватила власть во время Октябрьской революции? Когда правил Ярослав Мудрый? Что такое феодализм? Какие сословия существовали в XIX веке? Чего добивались декабристы? Кто такой Емельян Пугачев? Борис Ельцин? Павел Нахимов? Елизавета Петровна? Ира не добивалась точных ответов, а следила за течением мысли и за умением переключаться от общего к частному и наоборот.

Рома ориентировался в школьном курсе весьма приблизительно. Он отличал князя Владимира от Екатерины Второй, Суворова от Жукова, Ленина от Сталина, но Екатерина Первая, Брусилов и Троцкий в его картину мира не помещались. История в голове ученика не принимала линейную, циклическую или спиралевидную форму, а расплывалась на аморфные сгустки мифологем и идеологем: поганые монголо-татары уничтожали посеы и резали детей, Петр Первый под страхом смерти принуждал брить бороды, одноглазый старик Кутузов дальновидно жег Москву и путал все карты французам, избежавшие виселицы декабристы махали кирками в Сибири, Сталин хладнокровно казнил десятки миллионов людей, советские солдаты радостно били из «катюш» фашистскую нечисть.

– Тебе сколько лет? – спросил вдруг Рома.

– Мы с тобой на вы, – напомнила Ира.

– Сколько лет вам?

– Двадцать один.

– А вы еще учитесь?

– Учеба – понятие растяжимое, – сказала Ира и улыбнулась. – Великие люди вроде Ньютона и Эйнштейна учатся всю сознательную жизнь. Если же ты имеешь в виду получение образования, то я окончила четыре курса и теперь штурмую магистратуру. Но нам стоит вернуться к занятию. Как ты объясняешь для себя такой термин, как «общество»?

Рома вздохнул, словно к нему обратились с непомерной просьбой.

– Группа людей.

– Что объединяет этих людей в группу?

– Ну социум.

– Так, а что в таком случае называется социумом?

– Единство.

– Рома, мы крутимся вокруг одного и того же. «Общество», «социум», «единство» – это родственные понятия, но они не позволяют вникнуть в суть дела. Мы будто скользим по поверхности.

– Не понимаю, что вы от меня хотите.

Ира извлекла на свет последние запасы дружелюбия.

– Я не жду от тебя конкретного ответа, потому что единственного определения общества, раз и навсегда зафиксированного в словарях, просто-напросто нет.

– Тогда почему я должен найти это единственное определение, если его нет?

– Я не требую найти единственное определение. Есть множество критериев, из которых и складывается упомянутое тобой единство: территория, язык, система ценностей, социальное положение, средства производства. Можно назвать эти критерии строительной смесью, скрепляющей отдельных личностей в социум. Понимаешь?

– Допустим.

Иру задело это высокомерное «допустим».

– Мне не очень нравится твой подход к занятию.

– Мне тоже, – сказал Рома. – Я думал, что мы термины и даты начнем записывать, тетрадь вот приготовил.

У Иры задрожали губы. Тетрадь он тонюсенькую приготовил, одолжение сделал.

– С другим преподавателем и запишешь, – заключила она и направилась к выходу.

Хватит с нее унижений. Сперва ей сообщают, что ее, как дублера, взяли на замену профессору гражданского права, затем сажают на табуретку для прислуги, а в конце концов принуждают распинаться для господского сынка, имеющего свои виды на учебный процесс. И за две тысячи в неделю она якобы обязывается водить дружбу с таксидермической семейкой. Размечтались.

В коридоре Ира едва не уткнулась в Роминого отца. Он взирал на нее с недоумением.

– Мы заниматься не будем, – сказала она.

– Что так?

– Не подружились.

Ира обогнула Сергея и услышала в спину:

– Девушка! То есть как вас... Ирина Алексеевна! Потрудитесь объяснить, в чем дело.

– Пусть Рома объяснит. А я не хочу, чтобы ко мне относились как к сырью какому-то.

– Что за снобизм?

Ира не ответила. Разобравшись с первого раза с хитроумным дверным замком, она прошмыгнула за порог.

Он назвал ее девушкой!

Ну да, раз она девушка, от нее многого не ждут. Пусть, стало быть, не выживается и не жалуется, раз ее угораздило родиться гендерно неполноценной.

Мало кому в голову приходило, что женщина способна изобрести двигатель или хотя бы самовар. Нет, снисходительно замечали они, ее удел – вдохновлять, следовать рядом и быть осыпанной за это горой однотипных комплиментов.

Теперь еще и приравнивали к снобизму нежелание сливаться с ландшафтом.

Ни разу не оглянувшись, Ира покинула мажорный дом и шмыгнула за калитку. Хотя принципы и удалось отстоять, вместо восторга обретенной свободы Ира чувствовала горечь и злобу. Она не высказала Сергею и его заносчивому отпрыску всего, что о них думает.

Лишь огрызнувшись, точно моська какая-нибудь.

Ира тряслась в ржавом трамвае и слушала в наушниках голоса птиц. Когда трамвай проезжал мимо парка, солнце мелькало между ветками лип и кленов. Как будто скачки напряжения.

Сергей

Он сразу узнал ее.

Сначала она растянула маленький бокал эля, а затем к ней подрулил незнакомый парень. Они угадывали имена друг друга и обсуждали «Инстаграм». Молодежь как она есть: легко сходится, легко заводится.

Ира с первого взгляда ему не понравилась. Гордячка с кусачими взглядами. Колючая и слабонервная. А уж как она отреагировала на шутку с тетеревом. Хрипонин поставил бы цистерну трапистского пива на то, что эта особа сочла обитателей дома купающимися в роскоши живодерами. Как это по-рабски: завидовать чужой жизни и думать, что свою обустроила бы лучше, если бы больше зарабатывала.

Жаль, правда, что Ира застала его в баре с Ксенией. Не ровен час, припишет ему, помимо прочих грехов, свидания на стороне.

– Она забросала меня вопросами, а потом вскочила и убежала, – сказал Рома.

– Какими именно вопросами?

– Разными. Про Петра Первого, про СССР.

– И внезапно прервала занятие?

– Она спросила меня: «Что такое общество?» Я ей ответил: «Единство людей». Она такая: «Неправильно». Я говорю: «Нас так на уроках учили». Она снова: «Неправильно, значит, учили». Я запутался и уточнил: «Что вы хотите от меня услышать?» Она мне: «Ничего не хочу услышать, мне определения из учебника не нужны». Как я ей другое определение дам, если мы только по учебнику в школе и занимались?

– Хм.

– Я специально для нее приготовил тетрадь, чтобы термины и даты записывать, а она мне заявила: «Ищи тогда новых репетиторов и показывай свою тетрадь им».

Сергей понимал, что слова сына, как лица заинтересованного, стоит делить как минимум на три. Но даже если допустить, что Рома преувеличил степень неадекватности Иры, то в сухом остатке все равно налицо ее тотальное дилетантство. Словно месячные в башку ударили. Это же позорище. Репетитора, который ведет себя как психованный, к детям подпускать нельзя.

Лиза тоже хороша. Нанимает девушек, и расхлебывай за ней. Женщины то, женщины это, женщины более ответственные. Будь вместо Иры парень, Сергей разобрался бы с ним. Позвал бы в кухню на профилактическую беседу за чашкой чая, научил бы манерам – аккуратно и вежливо. Расстались бы красиво, без этих показных жестов.

– Заметь, сынок, она вдобавок и приезжая. Казалось бы, деталь мелкая, но значимая.

– Почему это важно?

– Эта деталь сообщает кое-что о характере человека. Тот, кто скитается, обыкновенно нетерпелив по натуре. Он мечется из края в край, из крайности в крайность, приценивается, примеряется, прикидывает. Он неспособен определить, что ему дорого, а что нет. Слышал пословицу: «Не место красит человека, а человек – место»?

Рома потупил глаза.

– Слышал.

– Она как раз об этом. Тот, кто мотается с места на место, ищет, где бы его повкусней и поласковей встретили. Где можно меньше работать и больше получать. Такие не умеют благодарить, на них нельзя положиться. Помнишь ведь, что случилось с Римской империей?

– Она рухнула?

– Ее погубили легионеры. А легионер – это не кто иной, как наемник, гастарбайтер. Вот тебе урок истории и обществознания в одном флаконе.

Хрипонин почувствовал, что прошелся по Ире чересчур голословно, и поспешил подкрепить выводы:

– Разумеется, переезжают по разным причинам. Кто мигрирует из-за войны, кто перебирается из обнищавшей деревни в город ради лучшей доли. Я такие примеры не беру. Я о таких скитальцах, что без царя в башке. Как эта самая Ирина Алексеевна. Я еще в коридоре перед вашим занятием спросил у нее, откуда она. Так и так, отвечает, из Самары, в магистратуру у вас поступила. А дальше что? Она и не знает, что дальше. Вернется в родной город, не вернется, зачем учиться, для кого – никакой ясности в голове. Нет ценностей. Зато претензий вагон.

Рома вроде как приободрился. Хрипонин гордился тем, что сумел перевести досадный эпизод в мудрое наставление для сына.

Единственный просчет Сергея состоял в том, что Ира видела его в «Рекурсии» с Ксенией. Не просчет даже, а невезение. Пригласил, называется, администратора на бокал ламбика – обсудить грядущий крафтовый фест и послушать горячую проповедь. Почти служебный диалог, ничего криминального или распутного.

Не исключено, конечно, что эта психованная подумает, будто Сергей проводил пятничный вечер с женой. Добро, если так. Кто-то смотрит сериал, кто-то навещает родственников, кто-то культурно пьет пиво в баре.

* * *

Лиза приехала из цветочного салона утомленной и довольной. Она заключила сделку, по которой обязалась обеспечить букетами пышную свадьбу на двести человек. Жених продает холодильное оборудование, невеста ведет популярный блог о здоровых отношениях, родители с обеих сторон состоятельные, медовый месяц на Доминикане – все эти бесполезные подробности Хрипонин вынес со стоическим спокойствием, позволив жене выговориться и заслуженно похвастать успехами за чашкой кофе.

– Как там Ромин репетитор? – наконец поинтересовалась Лиза.

– А-а, репетитор, – протянул Сергей. – Я в шоке, мягко говоря.

Он перечислил события вечера, не преминув отметить, какой многоуважаемая Ирина Алексеевна оказалась импульсивной, взвинченной, заполошной и некомпетентной.

– Поторопились мы через сайт специалиста нанимать, – закончил Хрипонин.

– Имеешь в виду, я поторопилась?

– Если только очень тонко намекаю.

– Ну-ну, мистер тонкий намекатель. Сбавь-ка обороты. Я сегодня добрая, но это не значит, что ты можешь вешать на меня любые обвинения.

Хрипонин коснулся пальцами руки жены и провел извилистую линию от запястья до локтя. Лиза, не шевельнувшись, с холодным любопытством проследила за нанесением незримой метки на ее кожу.

– Экзамены эти, – пробормотал Сергей. – ОГЭ, ЕГЭ, баллы, шмаллы. Вернули бы нормальные вступительные испытания. Вместо этой нервотрепки. Эксперименты бесконечные, усложнения, инициативы одна глупее другой. Сканеры, камеры. Не удивлюсь, если школьники с высокими результатами будут дополнительно анализы на допинг сдавать.

Пальцы осторожно, задерживаясь на крохотных родинках, поползли вверх, к плечу.

– Увидишь, так и сделают, – продолжил Сергей. – Помимо детей, и нас начнут проверять. На Западе в тестовом режиме уже ввели экзамен на родительские права.

– Это где?

– То ли в Германии, то ли в Дании.

Лиза аккуратно ухватила пальцы Сергея, закопавшиеся под бретельку черного лифчика, и убрала их с ключицы.

– Ты прав, на сайте нет смысла репетитора искать.

– Да и молодым я не то чтобы доверяю.

– Чересчур возрастные мне тоже не нравятся. Они такие же капризные и вспыльчивые. Кроме того, детям с ними скучно... – Лиза задумалась. – Слушай, а давай ты поднимешь свои связи и разведаешь, где найти толкового преподавателя. Опытного, но гибкого. Не такого, который зарыл нос в конспекты из прошлого тысячелетия.

– Попробую.

– Отлично. А я напишу отзыв на Ирину Алексеевну. Эх, кто же знал, что все так обернется.

Сказав это, Лиза ополоснула под краном чашку из-под капучино и упорхнула из кухни. Хрипониным отнюдь не в первый раз овладело ощущение, что им насладились, причем за его счет. Сначала дерганая магистрантка выпустила на него пар, как на какого-нибудь автослесаря или починщика сумок, а теперь вот жена умыла руки после собственной осечки и честь по чести снарядила его в миссию. И если Сергей с ней не справится на пятерку, то припоминать ему будут долго.

Пока Лиза составляла отзыв, Хрипонин приготовил на троих карбонару с ветчиной и беконом по любимому рецепту: на кокосовом масле и чтобы спагетти утопали в сливках и сыре. Кулинарную струнку у себя Сергей обнаружил в те времена, когда подросла Стелла и отпала потребность в няне. Лиза настояла на отказе от домработницы, мотивируя это нежеланием подпускать кого-либо к тесному семейному кругу на расстояние оклика из соседней комнаты, а компромиссные перекусы из жареных яиц и гречневой каши, столь привлекательные в аскетичные студенческие годы, потеряли романтический шарм. Хрипонин, все активней интересующийся фермерской едой с маркером «экологично», обретал черты рачительного и благодушного хозяина, который, красуясь перед воображаемыми телезрителями фартуком в шотландскую клетку, колдовал за плитой с гарнирной лопаткой в одной руке и прихваткой в форме рождественской рукавицы в другой.

Перед ужином Лиза сунула Сергею планшет с текстом:

К сожалению, Ирина Алексеевна не произвела впечатление человека, готового к работе с детьми. Ей присущи эмоциональная незрелость, отсутствие выдержки, слабое знание предмета. Она не умеет мотивировать ребенка и доносить до него свою мысль. Ирина Алексеевна, не справившись с добровольно взятыми на себя обязанностями, убежала с первого же занятия, а на просьбу объяснить свои действия посоветовала нам искать другого специалиста.

– Выслала на модерацию, – сказала Лиза.

– Не слишком сурово? – усомнился Сергей.

– По-моему, объективно. Самое странное, что до моей оценки на сайте висело уже четыре отзыва – сплошь положительные.

– Может быть, подставные.

– Не исключено. Сейчас столько способов накрутить себе рейтинг...

Лиза положила планшет на холодильник.

– Страсть как проголодалась.

– Тогда зови Рому. Я накладываю.

После ужина Хрипонин забрался с ноутбуком в гостевую спальню и, триумфально стряхнув с ног тапки, завалился на двуспальную кровать. Перед глазами пронеслись образы подростков из американских фильмов, возлежащих на постели в кроссовках или кедах, пока родители не видят. Вот дураки, это же неудобно.

Сергея не оставляло ощущение, будто жена высказалась о Ире излишне жестко и односторонне. Он вбил в поисковик «ВКонтакте» имя и фамилию. Среди полутора тысяч Ир Тимофе-

евых в Самаре числились двадцать пять. Та самая пряталась под аватаркой с мультипликационным оленем во втором десятке.

Так-так-так. Минимум личной информации и всего шесть фото. На каждом из них лицо у нее серьезное, если не понурое, как будто ей запрещено улыбаться. В подписках тематические группы о малых и исчезающих народностях, о мировой и российской истории, о веганстве, об антикапиталистическом движении и, куда без этого, паблики с феминистическим вздором. Борьба, значит, за обездоленных и бесправных. Полный набор штампов для заклятых идеалистов с неустроенной личной жизнью.

Ткнув по случайной ссылке, Сергей прочел закрепленный на верхушке пост:

Сначала мужчины тысячелетиями удерживают в руках средства производства, а затем хвастаются тем, что все изобретения и открытия принадлежат им.

Хрипонин от души посмеялся. Да, он такой. Он добыл огонь и спустился в шахту за алмазами. Он оседлал коня и пришвартовался к берегам Америки по пути в Индию. Он поборол оспу и поднял в небо самолет, выдумал нотную запись и передал привет из космоса, сконструировал полку для обуви и одарил домохозяйку блендером. Цельсий и Фаренгейт, Эдисон и Тесла – это все он. Он изобрел все, включая бумагу, каблуки, сепаратор, консервную банку, шприц для подкожных инъекций, вешалку, радио и самовар. Так что не мотайся под ногами, Ирина Алексеевна, и иди вари борщ, который, надо полагать, тоже изобрел мужчина. Притом настолько скромный, что постеснялся патентовать свое детище.

Когда смех иссяк, Сергей в очередной раз обеспокоился женским наступлением, беспримерным по своей наглости. Ядовитая идеология под видом жвачки для мозгов расползалась по Сети и вторгалась в неокрепшие умы почище нацистской пропаганды. Не экологическая катастрофа, не ядерная опасность, не нашествие варваров-мигрантов – вот настоящая угроза для человечества, какой бы абсурдный или унылый облик она ни принимала. Еще поколение-два, и растерявшие остатки достоинства мальчики в унисексе будут по стенке ходить, дабы их не уличили в оскорбительном поведении.

Самое страшное, что Стелла тоже подпала под демоническое обаяние псевдоосвободительной псевдофилософии феминисток. Хрипонин с тревогой ждал возвращения дочери из лагеря. Стелла слала приветы и с гордостью сообщала, что выучила две сотни слов на английском. Cough, sneeze, bruise, headache, классно, правда?

Елисей

Петербург между тем не отпускал. Алкал внимания, поклонения, жертв. Ревнивый до неприличия город напористо помещал себя в центр помыслов и устремлений Елисея, оттесняя на периферию прочие локации и означающие.

Его внезапный отъезд никого в восторг не привел. Сначала позвонил оповещенный в числе последних научрук, чье недоумение прямо по ходу длинного монолога переросло в кипучее недовольство. Следом написала настроенная мирно Лена, которая нашла через знакомых чудо-лора из Бурятии, принимающего на Озерках по вторникам и четвергам. Убедительней всех действовал деканат: там потребовали утрясти заключительные формальности с отчислением и расставить нужные подписи. Елисей по телефону едва ли не клялся, что ни одной живой душе не обмолвится, если в университете подделают его почерк, но безликий бюрократический аппарат настоял на личном присутствии.

Перебросив через плечо вещмешок с бутербродами, Елисей на рассвете во вторник ступил на трассу – все так же пытаться счастья с попутками. Голодный и остервенелый, в среду он влетел в деканат Института наук о Земле за двадцать минут до закрытия и объявил, что берет всех в заложники до тех пор, пока ему не поднесут бумаги на подпись.

– Променяли магистратуру на блогерство? – пошутила секретарша.

– С особым цинизмом, – ответил Елисей, размашисто выводя фамилию под очередным документом.

Перспектива возвращаться в Элнет Энер автостопом пугала и отвращала. Во-первых, надо поспеть на барную дегустацию с Ирой в пятницу вечером. Во-вторых, Елисей не чувствовал себя настолько юным, чтобы, вверив себя дорожной стихии, тащиться по обочине с бодрой песенкой на устах и искать милости у каждого попутного автомобиля. Елисей не мыслил себя вне России, однако во время автостопа мечтал хотя бы день побыть бельгийцем или люксембуржцем.

Незадачливого путника в Петербурге приютила на ночь одnogруппница Вика. Она запекла на ужин картошку под сыром и выволокла на кухню ортопедический матрас.

– Ты будто настоящий кочевник, – сказала Вика.

– Надо будет доложить Секацкому, – отозвался Елисей. – Пускай Александр Куприянович включит меня в номадический дискурс.

– Ты считаешь километры, как остальные автостопщики?

– Перестал считать, когда перевалило за десять тысяч. Антона Кротова мне все равно не обогнать, да и не вижу особой доблести в том, чтобы состязаться за бесполезные цифры и брать символические рубежи. Покой и свобода от болячек – вот и все, чего я желаю. Лежать под одеялом и не знать голода, жажды и будильника. Как мертвый, но живой.

Простившись с Викторией на следующее утро, Елисей двинулся на остановку междугородних рейсовых автобусов. Полулегальные частники на газельках и пазиках, оснащенных телевизорами и старыми кондиционерами, предлагали относительно дешевые и в меру сердитые маршруты для тех, кто экономил на поездках и самолетах. Пришлось оторвать от сердца две тысячи рублей за возможность целые сутки, прижавшись виском к окну, ни с кем не говорить и никого не слушать. Помятый и заспанный, Елисей в пятницу едва ли не на четвереньках выполз из автобуса на привокзальной площади Элнет Энера и, размяв одеревеневшие ноги и спину, побрел к Грише – приводить себя в порядок перед встречей с Ирой.

Глядя единственную свою рубашку, Елисей прокручивал в голове сценарии грядущих диалогов. При лучшем развитии событий они с Ирой беззаботно болтали обо всем подряд, то и дело с изумлением обнаруживая точки пересечения и дополняя слова друг друга. При худшем Ира заводила специфический интеллектуальный разговор, который Елисей мог под-

держат разве что общими фразами. Он смыслить не смыслил ничего в феминизме, этнографии или рабочем движении, а Иру, как и любую девушку, вряд ли заинтересовали бы нудные армейские истории про пение гимна каждым утром, бесконечные фотоотчеты и недели боевой готовности. Пока Елисей жил в Петербурге, он время от времени выбирался на публичные лекции по философии и психоанализу, бессистемно посещал выступления Секацкого и Смуглянского, однако не умел с уверенностью отличить Расина от Рансьера, а фаллическую фазу от генитальной.

* * *

Хотя Елисей добрался до «Рекурсии» заранее, Ира уже ждала его у входа. На ней был неброский, но практичный наряд из теплой васильковой блузки с длинными рукавами, черных брюк и джинсовых кед. Человековед внутри Елисея с осторожностью отметил, что Ира не исключает прогулки после бара.

Они заняли свободный столик.

– Не сладкое и без молока? – уточнил Елисей.

– Ты чуткий. Спасибо.

Усатый бармен с крашенными в жгучий блонд волосами и бровями встретил блогера как родного и порекомендовал экспериментальный индийский пейл-эль «Колыма Inn». В роли искорки выступал растертый в порошок черный чай, добавленный в пиво при сухом охмелении и внесший во вкусовую палитру терпкие и вяжущие чифирные нотки. Бармен объяснил, что эль раскроется ярче и полней, если пить его в торжественной задумчивости, поминая политзаключенных, в сталинские годы без вины мотавших сроки за колючей проволокой на территории вечной мерзлоты. Елисей, предвкушая веселье, взял колымское пиво для Иры, а себе купил апельсиновый сок.

– Кажется, я догадываюсь, какой будет следующая заметка, – сказала Ира. – В ней ты напишешь о лагерных издевательствах и сборе стланика.

– Придется напрячь фантазию, чтобы тебя удивить, – сказал Елисей.

Они чокнулись.

– Напоминает красное вино с избытком танинов. Что-то вроде молодого каберне, где дубовая бочка подавляет остальные оттенки, – произнесла Ира и заслонила рот рукой. – Ой, прости, я же не должна делиться ощущениями.

– Все в порядке. Расскажи лучше, почему у тебя пунтик против сладкого пива. Я понимаю, когда многие парни, которые мнят себя суровыми мужланами, презрительно отзываются о сидре и о фруктовых ламбиках. Мачисты полагают себя выше всего этого баловства. Но в чем твой резон?

– Это принципиальный вопрос.

– Почему?

Ира задумалась.

– Причина, разумеется, не в том, что один вкус более солидный и благородный, чем другой. И уж тем более не в моей зависти к гендерно привилегированной половине человечества. Я считаю, что сладкое пиво – это такое же лукавство, как очки виртуальной реальности или детский шампунь без слез. Тот, кто пьянеет, злоупотребляет свободой и добровольно отдает себя во власть рефлексов и инстинктов. Иначе говоря, это совсем не весело и ничуть не сладко. Опынение – это процесс, пусть и обратимый, интеллектуального и нравственного падения на дно колодца, из которого ты будешь выбираться без посторонней помощи, карабкаясь по шершавым стенкам и стачивая ногти. Я за то, чтобы падение было жестким, как аварийная посадка в тайге, и горьким, как действительность в классовом обществе. Поэтому я предпочту индийский пейл-эль клубничному сидру.

– Убедительно, – согласился Елисей.

– Кстати, я гуглила твои публикации. Прочла прошлогодний цикл статей о культуре питья на «Ноже».

– О да, веселое время! Тогда в анкетах я называл себя писателем, пил в три горла перво-сортный крафт и думал, что фарингит – это не про меня.

– По-прежнему никаких подвижек со здоровьем?

– Абсолютно никаких. Глотка раздражена, будто кошка исцарапала изнутри. Вдобавок стоит набрать воздуха в легкие, как их тут же рвет на части кашель.

Чтобы подтвердить, Елисей глубоко вдохнул и затрясся от приступа кашля.

– Я не специалист, но проблемы с горлом могут возникнуть из-за рефлюкса, – предположила Ира. – Это заброс желчи из пищевода.

– Мне лор уже советовал обратиться к гастроэнтерологу, – сказал Елисей.

– Прости, что лезу с рекомендациями.

– Да ерунда.

– Правда. Сама не выношу советов, до которых легко догадаться.

– Все в порядке. Ты много извиняешься, и меня это смущает. Что до рефлюкса, то спасибо за напоминание. Мне давно пора сделать ФГДС и провести биопсию желудочных тканей. Эта неделя выдалась суматошной, а вот со следующей я начинаю обследовать свое бедовое тело. Слово блогера.

Ира улыбнулась и кивнула. Елисей залюбовался ею. Ее тонкие брови, безусловно, что-то сообщали о ее характере, равно как и прелестный вздернутый нос, и аккуратный вертикальный подбородок без ямочки, и изящная щербинка между передними верхними зубами, однако Елисею вовсе не хотелось наделять это геометрическое совершенство тайными смыслами. Гладкость Ириной кожи оценили бы по достоинству и фэшн-фотографы, перевидавшие на пленочно-цифровом веку тысячи моделей, а приглушенно-розовая помада подчеркивала мягкость черт лица. Оно выражало отрешенность, но не твердокаменную отрешенность на физии отчужденного индивида, которому в крохотное окошко суют бумажку на печать, а ту лучистую меланхоличную отрешенность, что родственна одухотворенным натурам и предшествует озарениям мысли.

Когда в баре заиграли «Franz Ferdinand», оливковые глаза Иры потеплели.

– «The Fallen»! – воскликнула она. – Вариация на тему «Что, если бы Иисус сегодня вернулся в наш мир?». Ничего оригинального, но задорно.

– Up now and get them, boy, – повторил Елисей вслед за вокалистом. – Задорно, ты права.

– Ты и текст знаешь?

– Не целиком. Вот у «Wonderwall» текст полностью знаю.

– «Wonderwall» все знают. Это как «Районы-кварталы» или гимн России.

– Выпьем за этот потрясающий ассоциативный ряд.

Они снова чокнулись.

– Давай я научу тебя одному трюку, – сказал Елисей.

Он бережно взял у Иры бокал, пытаясь во избежание неловкости не коснуться ее подушечек пальцев, и хорошенько звякнул по нему своим стаканом с соком. Со дна пивного бокала наверх ринулась стайка пузырьков.

– Эффектней всего такой фокус проворачивать с лагером, – прокомментировал Елисей. – Ну и, само собой, рассчитывать силу, чтобы не разбить посуду.

– Здорово!

– Не экскурс в теорию феминизма, но я старался.

– Не скромничай. Это выглядело так, словно пивной гуру посвятил неофитку в один из секретов.

– Тогда раскрою еще парочку. – Елисей покрутил круглую картонную подставку под пиво, гадая, чем бы удивить Иру. – Ты когда-нибудь делала пивные коктейли?

– Ни разу.

– Обязательно попробуй. Это полигон для испытаний. Можно, например, заполнить треть бокала соком черной или красной смородины, а сверху залить крепким темным элем. Получится кислая и тягучая смесь, что-то вроде творческого союза между русской дачной культурой и вековыми традициями бельгийских пивоваров.

– Кажется, с такого ракурса бабушкин урожай я еще не рассматривала!

– Или вот еще рецепт, называется «Ирландская бомба». Ингредиенты сугубо ирландские: стаут «Гиннесс», виски «Бушмилс» и ликер «Бейлис». Классическую стопку наполняем ликером и виски в пропорции пятьдесят на пятьдесят и опускаем этот термитный заряд в «Гиннесс». Пить надо быстро, огромными глотками. Во-первых, важен бомбический эффект, а во-вторых, сливки из «Бейлиса», смешавшись с пивом, моментально сворачиваются в комочки наподобие катышков на пальто, и напиток теряет примерно восемьдесят процентов от своей эстетической привлекательности.

– Звучит славно, но, увы, не мой вариант. Я веган и не пью молоко. Плюс ликер сладкий.

– Точно, прости. Вылетело из головы.

Ира прищурилась.

– Теперь мой черед отучать тебя от извинений, – сказала она.

– Хм, вот и я пал жертвой вредной привычки, – произнес Елисей. – Надо нам составить договор, по которому мы обязуемся не досаждать друг другу необоснованными извинениями.

– И заверить его у нотариуса.

– Непременно.

Ира сделала глоток. Елисей с неохотой констатировал про себя, что пиво в ее бокале убывает.

– Насчет «Ирландской бомбы», – сказала Ира. – Я не боюсь крепости и потому опущу в «Гиннесс» стопку, до краев полную виски.

– Звучит как заявка на вступление в ряды Ирландской республиканской армии.

– А то. Я же злая фемка. И имя подходящее.

Сменилась песня, и по стартовым гитарным аккордам Елисей и Ира синхронно опознали «Wonderwall».

– Вот это поворот! – воскликнула Ира.

– Искренне надеюсь, что наш столик не прослушивается.

– Ну да, ведь я только что пообещала вступить в террористическую организацию.

Ира замерла, внимая Лиаму Галлахеру, соловьем разливающимся о чудесной стене, и безмолвными движениями губ сопровождала пение.

– Эта песня как награда за кошмарную неделю, – произнесла Ира.

– Что-то не так с учебой?

– Нет. Разругалась с типом, от которого зависел мой потенциальный заработок. И на горьком опыте убедилась в своей бесправности и несостоятельности. Вновь.

Елисей промолчал, ожидая, что Ира поведаст, что случилось. Вместо этого она заговорила о другом.

– Я три года планировала поступление в Польшу. Учила польский, стажировалась в этнографическом музее в Кракове, копила высокий GPA, впрягалась в волонтерские программы и в сомнительные проекты, жертвуя на них каникулы и все свободное время. Работала в сомнительном культурном фонде. А весной, буквально за месяц до защиты диплома, поняла, что бюджетку я не потяну.

– И вместо Польши ты осталась в России.

– Не то чтобы я всегда и везде ставила Европу выше России. Совсем наоборот, я в восторге, что мне повезло родиться здесь. Без лукавства, я предпочту Алтай Парижу и Берлину, а вольную жизнь в Поморье хлебной должности в лондонском банке. Но учеба в Польше была моей мечтой.

– Почему именно Элнет Энер, а не Самара?

– Я дважды ездила сюда на конференцию, а затем выиграла Президентскую стипендию для магистров. Теперь я вынуждена писать выпускную работу по беледышской национальной общине и закапываться в местные архивы. Повторюсь, не худшая доля, но не к этому я стремилась.

Елисею претила возможность примерять на себя роль утешителя, тем более что Ира в жалости не нуждалась.

– И никаких идей, что делать в дальнейшем? – спросил он.

– Никаких. Разве что устроить мировую анархическую революцию.

– Достойный проект, – оценил Елисей. – Я с тобой. Если, конечно, меня не обяжут присягнуть радикальным феминисткам.

– А как ты относишься к частной собственности?

– Из своего у меня лишь походный рюкзак с вещами. У меня нет квартиры, машины, дачи. Депозитарной ячейки тоже нет. Я за отмену частной собственности, какой вопрос.

– Отмену, а не перераспределение. Это ключевой пункт.

– Исключительно за отмену.

– Тогда вы приняты, товарищ Елисей.

– Отлично, товарищ Ирина.

Они стукнулись бокалами и дружно осушили их.

– Символичный разговор у нас получился под колымский эль, – сказал Елисей. – Тебя угостить еще?

– Пожалуй, мне хватит.

– Если ты за, можем прогуляться. Погода теплая.

– Почему нет?

В порыве ликования Елисей чуть не предложил Ире понести ее на руках через весь этот провинциальный город, где они так чудесно встретились.

Пока они сидели в баре, небо Элнет Энера окрасилось в сумеречный лавандовый цвет. Солнце, по расписанию укатившее за горизонт, оставило ностальгические сливово-сизые разводы, с дионисийской щедростью размазанные по кромке. Плотный воздух словно застыл, сбегая остатки летнего тепла. На фасадах зажглась подсветка.

– Успела изучить город?

– Почти нет, а ты?

– Только дорогу до бара.

Ира приостановилась.

– Кажется, впереди будет Кремль.

– Ведите нас на Кремль, товарищ Ирина.

Елисей предполагал, что ему придется замедлять шаг, так как за годы автостопных вояжей он наострился передвигаться быстро и обгонял пешеходов. Лена на прогулках раз за разом одергивала не в меру стремительного спутника, и они за долгие месяцы отношений, похожих на тяжбу между возмущенной прихожанкой и безучастным к ее дешевым жестам священником, так и не приноровились к ритму друг друга. К счастью, Ира являла собой противоположность Лены. Она шла бойко, бесшумно касаясь земли кедами, не подстраиваясь и не заставляя подстраиваться под себя. Иногда она замирала, привлеченная чем-нибудь, и снова легко и непринужденно трогалась с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.